
АЛЕКСАНДР
ШАДОВ
НА КРАЮ
ВСЕЛЕННОЙ
18+

Александр Шадов
На краю вселенной

https://litres.ru/75012383
SelfPub; 2026

Аннотация

Тобиас Фридмен придумал, как добраться до края вселенной. Осталось решить, чем он готов заплатить за свою мечту. Оставить семью на Земле он не может — и берёт её с собой на борт «Омеги девятьсот семьдесят один».

Но космос не обязан соответствовать расчётам. Болезнь на корабле, чужие цивилизации и время, которое распоряжается человеческой жизнью по-своему, превращают научную экспедицию в долгое странствие. Там, где путешественники ждут объяснений, они встречают новые убеждения, новую власть и то, что называют магией. Фридмену предстоит проверить не только свою теорию, но и право решать за близких, какой будет их жизнь.

Содержание

Раздел первый: Вступление	6
Глава I: История одного озера	7
Глава II: Несчастье любви.	13
Глава III: Я люблю свое дело.	15
Глава IV: Предисловие.	17
Раздел второй: Начало истории	20
Глава I: Две противоположные мечты.	21
Глава II: Дом капитана.	30
Глава III: Женщина, которая хочет убивать.	35
Глава IV: Семейное собрание.	38
Глава V: Поверженное чудовище	45
Глава VI: Поиск	53
Глава VII: Производство «Омеги девятьсот семьдесят один»	57
Раздел третий: Последняя неделя дома	60
Глава I: Илья Иванов	61
Глава II: Томас Ирвин Грин	66
Глава III: Льюис Гранд	70
Глава IV: Магнус Фридмен	73
Глава V: Лукас Фридмен	75
Глава VI: Александра Фридмен	79
Глава VII: Ученик	81
Глава VIII: Размышления	89

Глава IX: Земля – это мой дом 92
Раздел четвертый: Прощай, солнце 94
Глава I: Прощание 95
Глава II: Взлетая в небеса и падая на землю 100
Глава III: Байконур 105
Глава IV: Добро пожаловать на борт, господа 113
Глава V: Побеждая все высоты 126
Глава VI: Человек и космос 130
Конец ознакомительного фрагмента. 135

На краю вселенной

На краю вселенной

Раздел первый: Вступление

"Каждый в своем мировоззрении показывает свою меру"
Мартин Хайдеггер

Глава I: История одного озера

Где-то на глубине голубого озера обитает невероятное чудовище. Оно своим яростным видом пугает местных рыб и своим животом задевает верхушки самых высоких водорослей. Паника на одно мгновение захватывает обреченных морских гадов, которых это чудовище захватывает в свою бездонную пасть. Однако после они перестают плакать, ведь выхода у них нет, они сдаются этому неведомому существу. Сердцем этого монстра является атомный двигатель, а кожей – металлическая обшивка. Душа его – это команда рыболовной подводной лодки, которая, следуя этой логике, и является безжалостным убийцей и главной причиной страха в этих темных водах.

Капитан стоял на помосте и смотрел в огромное пуленепробиваемое стекло. Вокруг него бегали матросы, подобно тараканам, на которых несчастный хозяин квартиры направлял свое оружие в виде распылителя, действующего против этих милых существ. Он повернулся, чтобы посмотреть на работу своих озабоченных трудом подчиненных. После того, как сюзерен удовлетворился деятельностью рабочих, он повернулся к юноше, который сидел за компьютером.

– Какой наш улов на сегодня?

Тот, у кого спрашивали, незамедлительно и бойко дал от-

вет:

– Пять тонн рыбы за сегодня, капитан!

Начальник нахмурил брови:

– Да склюют меня птицы, но это же в два раза меньше, чем вчера!

Чудовище через десять минут решило продолжить свою ночную охоту, чтобы на следующее утро привезти десять тонн рыбы на сушу, где её ожидает многомиллиардное население мира. Конечно, все миллиарды эта рыбешка не накормит, но если учесть, что по всему миру таким же образом теперь добывают пропитание, и огромное количество подобных подводных лодок бороздит просторы океанов, морей, озер, то можно заключить, что еды хватает всем.

После удачной рыбалки капитан сказал, опершись на перила, находящиеся по бокам от помоста:

– Юнцы, сбрасывайте на дно икру!

Железное чудовище приступило к сеянию своего урожая. Нижний отдел открылся, а из него вниз посыпались слипшиеся шарики, размером с небольшие ягоды. Они медленно приземлялись на дно, но, как это ни странно, их никто не поедал, скажу больше, их даже никто и не съест, поскольку все хищные рыбы в этих водах были изжиты человеком навсегда. Это была икра, из которой вскоре появится новое потомство.

Как и везде, озеро превратилось в заповедник. Еще один мясокомбинат для человечества. Так же вели себя и леса,

вмещая в себя будущие трупы животных, выведенных селекционным путем, но отпущенных на волю; где росли растения, которые также были выведены селекционным путем. Планета превратилась в натуральную бойню, организованную человечеством ради своего блага.

Прошло много времени, капитан посмотрел на монитор компьютера, где увидел, что он и его команда смогли собрать двенадцать тонн свежей рыбы; в его глазах загорелось пламя славы! Он надеялся на повышение, мечтал о том, что ему дадут целый флот подводных лодок, он хотел вырасти в этом обществе, стать более значимым, как и все люди в этом мире. Капитан снял с себя фуражку и подкинул её в воздух, вскрикнув:

– Ура! – После данного маневра он умудрился неловко поймать головной убор, чуть не упав на пол. Наблюдая за этим, матросы немного ухмыльнулись, но поддержали капитана дружественными криками.

Волосы на его голове были седыми, подобно траве, покрытой белым инеем. Глаза его отливали зеленоватым оттенком, хотя в темноте казались карими. Нос, подобно шарику на новогодней елке, висел на лице капитана, которое по форме было несколько полноватым, как и сам владелец этой подводной лодки. К сожалению, а возможно, даже и к счастью, все конечности морского волка были на месте, что абсолютно не соответствует образу настоящего пирата, но он ведь и не пират.

Тем временем металлический кашалот отправился к огромному городу-порту, который, подобно многим городам, нуждался в пище. Рыболовная государственная компания (РГК – так это предприятие называли все) является основным поставщиком рыбы на планете. Конечно, это все очень интересная история, но она совершенно не является основополагающей в жизни капитана.

Кстати, морской волк уже ковылял в штаб начальства, чтобы доложить об успешно проведенной операции по бессердечному захвату беспомощной рыбы.

Раннее утро нежно ласкало деревья на улице, подобно молодой матери, чья любовь даже вечером не угаснет. Его невообразимо мягкие руки тихо гладили траву легким ветерком, напоминая нам о самой натуральной нежности природы. Глубоко в озере рыбки невинно резвились и играли друг с другом в какую-то незамысловатую игру, словно придуманную ими и специально для них. Птички, как самые настоящие летающие дротики, рассекали ветреное пространство, прорываясь к самым сокровенным тайнам небес. Природа оживает, когда человек спит.

Но, невзирая на все прекрасное, капитан подводной лодки стремился доложить о своих достижениях начальству. Он шел по коридорам завода, где рыбу обрабатывали и подготавливали к употреблению. После, забравшись на последний этаж по лестнице, морской волк добрался до комнаты «восемьсот девятнадцать», где и заседало его начальство.

Скромно постучавшись в дверь, он легким и элегантным движением ладони повернул ручку и приоткрыл врата, отделявшие его от повышения.

Три начальника размещали свои упитанные тела за тремя разными столами, находящимися напротив входа. За их спинами было огромное окно вместо стены, оно открывало потрясающий вид на город. Сам кабинет был украшен разномастными картинами, все было очень дорогим, что, как следовало ожидать, приводило в некий ужас пришедших в кабинет начальства подчиненных. Так вот, три начальника представляли собой нечто похожее на смесь бегемотов и носорогов с небольшой примесью человека. Довольно иронично на них смотрелись еле натянутые на их огромные туши костюмы. Поросячьи глазенки с огромным любопытством пытались игнорировать приход работника, дабы показать всю занятость такой профессии, как бездельник. Особо не задумываясь, капитан кашлянул, чтобы обратить на себя внимание. Один из начальников поднял голову:

– Что тебе нужно? – сказал он грубо.

Морской волк сделал несколько шагов в его направлении, после чего произнес:

– Здравствуйте, я капитан триста восемьдесят третьей подводной лодки, сегодня мы перевыполнили план на две тонны один центнер пятнадцать килограммов триста грамм.

– Хорошо, доклад принят от капитана триста восемьдесят третьей подводной лодки, – холодно ответил начальник, по-

сле чего он тонко намекнул, что судовладельцу следует покинуть данное помещение, – тебе пора, уходи.

Капитан кивнул головой и расстроенный вышел из этого ужасного места.

Сев в машину, этот несуразный человечек поехал домой. Его старая развалюха трещала, подобно гремучей змее. Примечательно было то, что она вообще могла сдвинуться с места, такие вот сверхъестественные свойства даровала ей мировая автомобильная промышленность. Автомобиль капитана представлял собой старую советскую технику, которая в течение ста лет старательно обновлялась его семейством, дабы не покупать нечто более дорогое и современное. Этой старушке сто лет? Как бы не так. Каждый год эту металлическую развалюху приходилось всячески ублажать, заменяя детали в ней. Каждые десять лет эта разваливающаяся крошка чуть ли не полностью обновлялась. Она переходила по наследству новому чаду семейства. Кстати, капитана штрафовали каждый раз, когда он проезжал рядом с постом дорожной инспекции, поскольку его автомобиль был абсолютно неэкологичен.

Капитан доехал до дома, где и провел весь день, ведь наступил выходной.

Глава II: Несчастье любви.

Жена ученого везла тележку в супермаркете. Она думала о том, чем бы ей накормить своих любимых детишек, как птица мечтает накормить своих птенцов. Женщина закинула в телегу чипсы, лимонад, макароны и многие другие продукты питания, которые трудно назвать гордым названием «еда», это именно «продукты питания», с таким же холодным и официальным, пустым тоном следует называть то, что едят эти люди. После, пройдя на кассу и отстояв в очереди, она оплатила купленные товары; далее жена ученого отправилась на улицу, предварительно сложив все продукты в два мешка, которые в итоге оказались заполнены до краев.

Женщина разместила сумки на заднем сиденье своего новенького суперэкологического авто, после чего села в него и поехала домой.

Утро выдалось замечательным. Небо игриво кидало на землю копья солнечных лучей. Облака неровно разлившейся белой краской растеклись по голубому полотну. Солнце, напоминая нам о том, что оно неприкосновенно, резало глаза каждому наблюдавшему за ним даже сквозь темные очки. Тени приобрели свой привычный и любимый вид, им надоело прятаться за дымкой ужасной погоды. Деревья, растущие из одиноких теней, красовались своими кронами ино-

гда, словно танцуя под свист музыканта ветра. Часы в такую погоду протекали неимоверно быстро, все вокруг играло и резвилось, подобно танцующей на концерте любимой группы молодежи. Хороший автомобиль зеленого цвета ехал куда-то в город, где огромные высотки впивались своими плоскими зубами в небесную жертву. Женщина разговаривала по телефону очень тревожным голосом:

– Но, любимый, ты не можешь улететь в другую звездную систему! – сказала она недовольно.

В ответ послышался водопад слов, что сводило её с ума, она особенно не слушала аргументы своего суженого, ведь никакие доказательства для женщин не важны, и потом она продолжила:

– А как же наши дети, дорогой?

Снова трубка затрещала от неаккуратной речи говорящего в нее:

– Я поняла, ты не думаешь ни о ком, кроме как о себе. – После этих слов женщина бросила трубку на заднее сиденье и тяжело выдохнула.

Её муж хотел улететь далеко-далеко. Это её очень пугало.

Глава III: Я люблю свое дело.

Мужчина в белом халате стоял в центре комнаты. Он был обездвижен недавним телефонным разговором. Часы плелись по кругу, напоминая собаку, играющую со своим хвостом. После нескольких оборотов секундной стрелки ученый пришел в себя. Он решил обдумать ситуацию вслух, его голос звучал то воодушевленно, то он очень сильно огорчался:

– Впервые в истории человеку доверяют такую ответственную миссию, наконец-то я смогу отправиться на край вселенной, чтобы изучить то, что ранее было недоступно. Впервые человек окажется за пределами этой галактики. Но эта женщина! Господи, что ей надо? Я не думаю о себе, я думаю о вселенной!

Так мужчина и разговаривал, стоя в центре своей спальни и размахивая руками, которые напоминали при таком вращении лопасти вертолета.

– Да сколько вообще можно давить на меня? Она, наверное, не понимает, как трудно быть ученым, изучать звезды, каждый день засыпать перед телескопом, а, просыпаясь, проводить свое время не у телевизора, а за чтением книг, за новыми записями! Да, кто она вообще такая, чтобы упрекать лауреата Нобелевской премии? Но она моя любовь. Что делать? Что выбрать? Я так люблю свое дело, но еще больше

я люблю свою жену.

Ученый сел на кровать и схватился за голову. После он громко закричал, резко вскочив, схватил вазу и разбил её, бросив в стену. Далее мужчина перевел дыхание и спокойно сел на кровать.

Осколки вазы, которую он однажды подарил жене, красовались уже отдельно друг от друга. Им было не до грусти, им было совсем наплевать на свою разлуку, они лежали и даже не пытались шелохнуться, словно старались сдерживать свою любовь к единству безразличием.

Где-то далеко одинокий космос ожидал своего избранного странника. Звезды, планеты, пустота – там ведь они совсем другие. Душа звала его к звездам, но и удерживала на земле.

Глава IV: Предисловие.

Перед тем, как начать, собственно, сам роман, следует познакомиться с самим миром, в котором обитают наши персонажи.

Как вы, дорогие читатели, уже успели заметить, начинается наше повествование именно на планете Земля; возможно, вы слышали о ней. В мире победил материализм. Как следствия:

Научно-технический прогресс:

Развилась техника. Транспорт обрел запредельные ранее возможности. Летающие корабли заполонили просторы Земли. Однако, простите, особенных чудес научно-литературного фантасмагоризма я попытаюсь избежать.

Развилась наука. А это повлияло на мировоззрение людей, собственно, философия, религия и прочие культурные сокровища были признаны сказками прошлых веков. Осталась только одна философия – наука.

Человечество расселилось по всей Солнечной системе, где это только было возможно. Благо техника позволила это сделать.

Все болезни теперь лечатся за считанные дни, даже ранее неизлечимые.

Сменилось мировоззрение, как было сказано ранее, но это стоит обсудить несколько подробнее:

Авторитет ученых в решении всех вопросов стал несомненен. Никто не читает философов – все решают ученые. Ученый мир – мир, где авторитет работников науки возрастает до невероятных высот.

Научное мировоззрение завладело умами людей. Все смирились со своей бездуховностью. Душа осталась далеко в истории, как закладка в энциклопедии.

Мир рассматривается теперь однобоко, с использованием только научного метода. Научный метод со временем скудеет и становится более однообразным, поскольку он потерял соперничество с религией и философией. Ученые стали пытаться упростить свои взгляды.

Люди совсем не изменились, они остались такими же, как и три тысячи лет назад. Люди вообще редко изменяют себе, на то они и люди. Они подобны клеткам в организме. Вроде мозг сменил направление мысли, а клетки желудка по-прежнему переваривают пищу, так же и люди.

Вы, скорее всего, мало удивитесь такому изменению, вы – избалованные прогрессом, избалованные фантастической литературой, испорченные самим понятием развития и совершенства, вечно идущие к этим иллюзорным и придуман-

ным вами же мечтам. Как мне удивить вас и нужно ли это вообще делать?

Что я могу сказать далее? Животные совсем уж перестали ощущаться как живая природа, что вы, собственно, и наблюдали в первой главе. Также и все остальные планеты, они подобны заповедникам для зверей и растений, больше никаких других функций у них и нет. Безусловно, приблизиться к таким гигантам, как Юпитер, нет и шанса, но некоторые его спутники заполнены заповедниками. Для этого люди обустраивают специальные базы, где достаточно кислорода и энергии для возможности обитания там существ.

Человеческая жизнь стала слишком сухой, хотя и благополучной. Из жизни исчезла магия. Смею предположить, что это самая большая потеря для человечества. Единственная гордость людей сейчас – это знание наук. Таков уж этот мир.

Но смею вас предупредить, техника в принципе не изменилась, люди все еще перемещаются на обычных автомобилях, все изменения произошли в космических, промышленных и других специальных типах механизмов.

Я забыл самое главное. Произошла мировая глобализация. Большинство людей предпочитают говорить на одном, международном, языке, да и живут там, где считают нужным.

Ничто не стояло на месте, мир двигался к светлому будущему, но светлое ли оно?

Раздел второй: Начало истории

«Мир — это госпиталь неизлечимых больных»
Артур Шопенгауэр

Глава I: Две противоположные мечты.

Вы когда-нибудь сталкивались с проблемой такого масштаба, когда следует выбирать между двумя важнейшими мечтами своей жизни? Например, между семьей и вашей любимейшей деятельностью? Представьте себе, что то, что вы называете смыслом своей жизни, оно уже почти достигло кульминации, но ради этого неимоверного счастья следует отвернуться от собственной семьи. Представили? Каково вам теперь? Наверное, немного мерзко, да и какое я имею право поднимать данный вопрос? Не самое ли ценное в жизни – это семья?

Давайте познакомимся с одним из наших героев. Его имя – Тобиас Фридмен, он – ученый, гениальный исследователь, один из немногих лучших мировых специалистов в области астрономии, инопланетной биологии, астрофизики, также Тобиас владеет незаменимыми знаниями в области оптики и разбирается в технологии построения космических кораблей. Ему всего сорок пять лет. Да, выглядит этот ученый довольно молодо, да и волос на его лице совсем нет. Он не носит очки, да и телосложение у него достаточно мужественное. Карие глаза, светло-русые неаккуратно подстриженные

волосы, нос аккуратным и очень культурным картофелем, светлая кожа – все это лишь туманно указывает на то, что он давний родственник еврейской семьи Фридменов. Ростом он был выше среднего, ноги были несколько длиннее в пропорциях по отношению к телу, чем у среднестатистического человека (нравится мне это словосочетание «среднестатистический человек», словно такой существует).

Карьера Тобиаса – научная деятельность. К своим сорока он выдвинул замечательнейшую теорию, которая, собственно, и продвинула его к Нобелевской премии. Он смог теоретически доказать возможность перемещения в другую часть вселенной и обратно. Ранее люди только умудрялись достигать других солнечных систем и возвращаться обратно, однако на такие путешествия затрачивалось очень много усилий.

Тобиас имел довольно переменный и сложный характер. Он был почти непредсказуем в своих действиях, однако имел вполне консервативные интересы. Также он считал себя умнее всех неученых людей, очень небрежно относился к большей части человечества, упрекая их в том, что они проживают бессмысленную и глупую жизнь. И это все происходило даже несмотря на всеобщую веру людей в науку.

Он продолжал сидеть на кровати, смотрел на пол, но было понятно, что он смотрел в никуда и у него не было никакой особой мишени. Фридмен был расстроен. Его сердце сжималось. Тобиас чувствовал саму пустоту так близко, что ему

казалось, будто сама жизнь медленно вытекает из его тела и переливается в чан ничто.

Он сидел на кровати, схватившись за голову, мечтая отправиться в это потрясающее путешествие, которое его бы ожидало, если бы он не был женат.

Звезды пролетали перед его глазами, он видел космические просторы и новые планеты, он мечтал об этом всю жизнь, он хотел узнать о том, как это быть в другой части вселенной. Миллионы и миллиарды световых лет разделяли его и цель. Так далеко, но так… Нет, он уже никогда не сможет мечтать об этом.

С женой ученый прожил долгие и счастливые четырнадцать лет. История их знакомства проста до неприличия. Она была студенткой, он был почти молодым преподавателем, он был красив, она была недурна, она была отличница, а он любил в людях разумность.

Девушку звали Александра. Её семья с начала двадцать первого века обитала только на территории бывшей России. Они все еще разговаривали на русском языке и не уезжали далеко от своего города, где почти все безумно были влюблены в свою давно исчезнувшую родину. Александра была первой, кому удалось уехать из этого маленького и дружелюбного ада. Она сбежала из дома, оставив записку, где изложила ряд причин, по которым ей стоит покинуть отеческий дом. Родители были в ярости, но полиция отказалась им помогать, поскольку русская полиция помогает только тогда,

когда хочет есть.

Так вот, девушка уехала далеко-далеко от своей родины, на территорию, где когда-то располагалась Дания, где и преподавал талантливейший педагог и ученый – Тобиас Фридмен. Александра влюбилась с первого взгляда. Ей потребовалось много месяцев, чтобы Тобиас сказал свое первое «люблю». Этот скромный гений, безусловно, очень долго тянул, но девушке в свои двадцать с чем-то лет было уже нечего терять. По крайней мере, она так думала.

Александра была симпатичной в молодости: её руки и ноги были относительно длинными, темно-русые волосы подстрижены были коротко, также эта девушка выделялась замечательной улыбкой. Её небольшие, но красивые голубые глаза словно обладали свойством пронзать людей и видеть все их нутро. Таков же был и её характер. Она всегда таким образом выстраивала свои споры с мужем, что, даже когда была не права, то её супруг начинал сомневаться в своей правоте. Тобиас утверждал, что с таким талантом её место не у плиты, а в научном сообществе.

Её голос был довольно низок, что не позволяло ей портить слух своих слушателей – он был приятен, интересен, чем-то необычен.

Александра, ошарашенная неожиданной новостью, неровно вела свой зеленый автомобиль. На глаза напрашивались слезы, и уже через несколько секунд на колготки упала первая капля. Её нижняя губа нервно тряслась. Девушка

усердно пыталась удержаться от того, чтобы не разреветься и не затопить свое средство. Её переполняли противоречивые эмоции. Она одновременно понимала, что сильно и безнадежно любит своего мужа, и что хочет вырвать ему селезенку. В ней смешивались эти два противоречивых чувства: любовь и ярость.

Тобиас, схватившись за голову, сидел и ждал скандала, который жена собиралась ему устроить. А за окном небо, напоминающее бескрайний океан, в который вылили целую тонну голубой акварели, бесстыдно гоняло облака, беспристрастно и отстраненно идущие за потоками неутомимого ветра. Деревья неохотно покачивались, а птицы, сидящие на них, перелетали с ветки на ветку, иногда начиная петь удивительно красивые песни, которые Тобиас мог услышать…

Он думал:

– Что же мне делать? С одной стороны, моя семья… с другой… с другой, моя мечта. Мои дети скоро вернутся со школы, но если я уеду, то больше никогда их не увижу. Но космос так соблазнителен… Но долг перед любимым человеком и своими детьми – этот долг выше, чем какой-нибудь нравственный долг. Я хочу в космос! Я хочу остаться с семьей… что мне делать?

Тобиас сжал свою голову так сильно, как только мог. После того, как он опустил руки, то почувствовал, как какая-то приятная волна пробежалась по верхней части его головы. Вдруг ученого осенило, он взял телефон и принялся наби-

рать номер своего хорошего друга, профессора кафедры философии, преподавателя этики в главном университете города.

Толстяк, алкоголик, зануда, книжный червь – это все синонимы этого человека. От него постоянно неприятно пахло, словно он совсем не моется, но все же говорит он иногда очень мудрые вещи, так вот и в предыдущей беседе профессор философских наук, член сообщества аналитических философов посоветовал Тобиасу беспроигрышный вариант того, как помириться со своей женой. Сейчас ученый надеялся на очередную поддержку своего коллеги.

Закончив набирать номер, он нажал на кнопку «вызова». Гудки тянулись практически бесконечно. Тобиас знал, что его жена скоро будет дома.

Тем временем у профессора философии дома находилось пять человек с кафедры, которых он пригласил прийти к нему на чай. Они сидели на кухне, за круглым столом, в то время как хозяин расставлял перед гостями чашки. Когда все гости получили по напитку, философ хитро отвернулся от всех – он взял специальную чашку, из которой он всегда пьет, достал флягу с неопределенным содержимым с одной из полок, а после перелил содержимое из одной формы в другую. Напиток издалека напоминал чай, но… вдруг зазвонил телефон. Профессор, извинившись перед приглашенными, вместе с чашкой «чая» и телефоном покинул помещение, пройдя несколько метров и неторопливо отпивая элик-

сир жизни, взятый с собой, он подошел к окну, после так же медленно облокотился на подоконник, наконец-то ответив на вызов.

– Здравствуйте, я вас слушаю.

Тобиас уже и не ожидал, что ему ответят.

– Здравствуйте, профессор, это Тобиас, Тобиас Фридмен, я знаю, что вы единственный человек, который в силах мне помочь, моя жена, она снова меня тиранит… – начал очень быстро говорить ученый.

Философ, который уже был достаточно пьян, чтобы разбирать беглую речь, попросил своего собеседника:

– Уважаемый, будьте добры, помедленнее, а то я, пожилой человек, не успеваю за ходом ваших мыслей.

Тобиас притормозил, после пары секунд молчания ученый приступил к объяснению своей проблемы:

– Эрик, вы помогли мне с прошлой проблемой.

– Припоминаю, – гордо сказал старик, отпивая из чашки с «чаем».

– Так вот, – продолжил Тобиас, – меня попросили отправиться в путешествие на механизме, сердце которого я сам лично и спроектировал, поскольку я единственный специалист, который может командовать людьми при его починке, я единственный человек, который может модернизировать эту штуку…

Эрик усмехнулся, по его полноватому подбородку прокатилась капелька «чая», которая впоследствии упала на пол и

разбилась на тысячи жидких осколков. Профессор на самом деле не слишком любил такие подробные рассказы, особенно после того, как он выпьет, а пил он сегодня и с утра, и днем, даже ближе к вечеру он пригласил компанию друзей, в обществе которых он пытается напиться, но все это впустую. Эрик решил перебить говорящего:

– Тобиас, будьте добры, ближе к делу, а то меня ждут гости, что же ваша жена?

– Она знает и едет домой, – безнадежно выговорил ученый.

Эрик усмехнулся и сказал:

– Ну, тогда я советую спрятать все колющие и режущие предметы.

– Очень смешно, профессор, – грустно произнес Тобиас.

– Позволь мне повторить все то, что ты сказал, – медленно начал рассуждать Эрик, – твоя жена остается на Земле, а ты улетаешь в космос? Надолго?

– Навсегда, – тихо произнес ученый.

– Первый пункт нашего исследования заключается в том, чтобы позволить тебе представить себя на её месте, – сказал профессор, отпив еще глоток своего живительного напитка.

– Да, я понимаю, что так поступать неверно! – вскрикнул Тобиас.

– Представь себя привязанным к дому, в одиночестве, с детьми, без выхода, без надежды, без солнечного света, – начал выразительно и медленно говорить профессор, – пред-

ставил?

– Да… – со стыдом в голосе ответил Тобиас.

– И представь себя обреченным на такое существование в течение оставшихся тебе тридцати-сорока лет, а дальше у тебя не останется ничего, только пустота. А теперь представь, что твоя жена предала тебя ради своей мечты. Представил?

– Да... – повторил Тобиас.

– Одинокий, ограбленный, преданный, с ношей в виде детей, которые могут и не стать отрадой, а лишь усугубить ситуацию.

– Но… – произнес ученый.

– Вы начали этот путь вместе. Но если у тебя есть две противоположности, друг мой, то я советую тебе синтезировать их.

– Каким образом?

– Мечта ведь – это часть твоей души, предавая свою мечту, ты предаешь себя, уничтожаешь свое естество, и у тебя есть три выбора: предать любимого человека, предать себя и никого не предавать.

– Последний вариант интересен мне, – с надеждой в голосе произнес Тобиас.

– Возьми жену и детей с собой, – ответил профессор, после чего повесил трубку.

Глава II: Дом капитана.

Развалюха капитана медленно приближалась к старому дому, который на первый взгляд напоминал руины. Дети иногда играли рядом с ним, воображая, что главный злодей сидит именно в этом устрашающем «замке». Некоторые стекла дома были разбиты, дерево давно уже прогнило, многие черепицы давно осыпались на землю. Участок никто не убирал, поэтому кругом было много-много листьев и трава по колено. Забор, который ограждал это здание от внешнего мира, был наполовину разрушен.

Эта воистину эпическая поездка, как и все предыдущие, заставляла соседей с радостью приветствовать такого героя, который на куске такого металла смог проехать такое расстояние. Какое расстояние? Да хоть какое-то! Проехать хотя бы сто метров на этом ведре – подвиг.

Нашего неукротимого наездника зовут Льюис Гранд – капитан рыболовной подводной лодки, бывший пилот армии мира, работавший с Тобиасом над его проектом. Ему пятьдесят три года. Одевается он несуразно, поскольку денег почти не зарабатывает, ведь жадное начальство – это огрех любой капиталистической системы. Большая часть его одежды – это то, что осталось с прошлых лет, село во время стирки – все это совершенно неудобно облегает тело либо, наоборот,

слишком огромно. У Льюиса нет ни одной подходящей для него одежды. На самом деле этот тривиальный морской волк внешне и напоминал нечто похожее на нищего пирата, разбойника, жулика или карточного шулера.

В свои пятьдесят три года он собрал не одну сотню морщин на своем лице в утомительной и неприятной работе, где ему каждый раз приходилось унижаться. Глаза его постоянно щурились, словно Льюис пытался всегда что-то разглядеть, но это было не совсем так, он просто плохо видел, а денег на очки он заработать не мог. Неопрятные седые волосы торчали из его головы в разные стороны, а бородка, которую он постоянно подбривал, выглядела так, словно у него на подбородке растет гусиный пух. Ростом он был невысок, но зато его большая голова всегда показывала его внешнее отличие от остальных людей. Также Гранд был довольно-таки полноват. Что бы еще хотелось выделить в его внешности? Ах, конечно! Я забыл поистине гигантский нос Льюиса, который, словно елочный шарик, висел над его колющейся щетиной.

Стоит также учесть, что Льюис не был слишком добр к детям, которые постоянно убегали от него, думая, что он монстр. От него, кстати, как от чудовища, плохо пахло. Зубы Гранд вовсе не чистил, но зато мылся два раза в месяц, да и то ладно! Кстати, насчет зубов, они у него были отменными, ведь даже под напором плохой еды, отсутствием ухода за ними, за частые драки – они все еще были у него во рту в пол-

ном составе, пусть и темно-желтые, но все же они там были!

Так вот, дети и взрослые из своих частных домов, затаив дыхание, смотрели за тем, как пожилой капитан подводной лодки подъезжает к своему обиталищу. Осталось совсем немного, но вдруг переднее колесо вылетело куда-то в сторону.

Льюис Гранд прокричал столько нецензурных слов до тех пор, пока не остановился, что по ним можно было бы составить целый словарь, однако остановился он довольно быстро, поскольку скорость его машины просто по своей природе не могла превысить тридцати километров в час. Остановился он очень ловко, припарковав автомобиль на обочине, где, к счастью, не было ни одного человека. Капитан вышел из своей развалюхи. Ему осталось двести метров до дома. Их он преодолел пешком, иногда изрыгая ругательства из жерла своей невоспитанности. В один из таких моментов, когда он полушепотом ругал свою жизнь, машину, работу, к нему навстречу шла женщина с десятилетней дочкой. Услышав грубую речь, она остановилась и обратилась очень вежливым тоном к Льюису:

– Господин Гранд, вы же пожилой человек, почему вы себе позволяете такие грубые речи в присутствии детей?

Ох, зря она это сказала, старик вскипел, словно вода в гейзере:

– Ты? Ты! Ты меня учишь себя вести? У тебя еще нос не дорос! Ты ведь сама-то еще та проститутка, – прокричал на

всю улицу капитан подводной лодки.

Мать зажала своей дочери уши и сказала:

– Вы невоспитанный пожилой человек, я бы даже сказала, что вы старый козел.

После этого женщина схватила дочь за руку и быстро повела прочь из эпицентра старческого гнева. Льюис кричал ей вдогонку обидные ругательства, а она все исчезала и исчезала на горизонте, но Гранд ведь не мог успокоиться и продолжал кричать, пока не высказал все, что только мог придумать. А придумал он очень многое о жизни данной дамы, абсолютно ничего не зная. Также он предположил, что эта дочь у женщины не от её мужа, а от очередного любовника или клиента, еще он предположил, что и её дочь последует по стопам матери, поскольку гены всегда берут свое.

Закончив спор с воздухом, воодушевившись очередной распрей, капитан отправился домой. Через несколько минут он уже открывал дверь своих деревянных руин. Дом был в ужасном состоянии, ведь здесь никогда не ступала нога женщины. Кругом паутина, тараканы, иногда здесь можно встретить даже мышей, к которым капитан питает огромную любовь: он их подкармливает даже, не убивая. Вот такой он добряк. Кругом все валяется, а пыли-то сколько! Когда кто-то из мужчин заходит домой к этому одинокому старику, то понимает, что женщина в доме – это жемчужина в раковине. После подобного урока мужья бегут к своим женщинам и как минимум неделю носят их на руках, оказывая им по-

чести королев, понимая, что без такой вот царской особы их жилище могло бы стать абсолютно таким же, как и у капитана Льюиса.

Старик отправился на кухню, где в холодильнике его ожидало дешевое пиво. Весь вечер он провел перед телевизором, пока не заснул, сидя на пыльном диване.

Глава III: Женщина, которая хочет убивать.

Зеленый автомобиль, превышая не то чтобы допустимые законом границы, а чуть ли не достигая границ скорости звука, летел, подобно пуле, сквозь перекрестки, не обращая внимания на светофоры.

Александре было наплевать на то, что за ней уже гнались рабочие дорожной инспекции, они сигналили ей так, что у женщины не было ни единого шанса на то, чтобы их не услышать. Но она ехала так быстро, будто участвовала в гонках «Формулы-1», обгоняя всех и каждого и вдруг… Она резко затормозила и выбежала из машины. Да, она добралась до дома. Словно космический корабль, стремящийся в космос, она поднялась на верхние этажи, где сидел Тобиас, предварительно закрыв за собой входную дверь.

Инспекторы последовали за ней, но закрытая дверь не дала им проникнуть в дом. Они начали звонить.

Александра на секунду остановилась, но потом решила, что сейчас не время для гостей, она ворвалась в спальню, но там никого не было.

Женщина так тяжело дышала, будто собирается родить. Но нет, она собиралась убивать. К сожалению, ей в голову

пришло, что на кухне можно взять скалку, как она и сделала. Обыскав весь дом под звон инспекторов, она все-таки им открыла. В руках у нее была скалка, и выглядела она столь устрашающе, что двое мужчин очень робко попятились назад, но один все же спросил, показывая на зеленый автомобиль:

– Это ваша машина?

Александра грубо ответила:

– Нет!

Она посмотрела сначала на одного мужчину, потом на другого так, словно сейчас набросится на них и забьет скалкой насмерть, а потом, порезав их трупы на кубики, сделает из них фарш в своей мясорубке. Ответ же её был столь серьезен и убийственен для инспекторов, что они решили с этой дамой не связываться:

– Ну, тогда мы пойдем, – сказал второй инспектор в страхе, после чего они оба ускоренным шагом отправились к своему средству передвижения и второпях уехали.

Женщина продолжила поиск своей жертвы, подобно гепарду, который ищет лань в высокой траве. Но Тобиаса нигде не было. Жена достала мобильный телефон и начала ему звонить, и услышала знакомый звонок в своей спальне, где муж и оставил свое средство связи.

Сев на кровать, Александра заплакала. Телефон мужа все еще звонил. Но потом… одно нажатие кнопки — и больше нет никакого звона, больше нет никаких шумов. Только оби-

да напоминает о предательстве любимого.

Стрелки часов плясали свой хаотичный вальс, а мужа все не было и не было. Женщина лежала на кровати, уткнувшись в подушку, и плакала. Каждая слеза её была пропитана счастливой семейной жизнью, каждая слеза была настолько сладкой, как мед, стекающий из улья на землю. Но злой медведь, случай, заставил этот мед вытекать впустую. Когда-то они, подобно пчелам, строили соты своей семьи, трудолюбиво укладывая каждый кирпичик, каждое мгновение.

Прошлое всегда пролетает в такие моменты, когда нет больше выхода, а есть только факт, перед которым тебя поставила судьба. Недавно вроде все было хорошо, каждый день был ярким, красивым, потрясающим, и даже когда мужа не было дома, это было неплохо, ведь Александра ждала его, ждала, словно в первый раз, словно на первое свидание, словно своего кумира. А что остается, когда тебя предают?

Она думала. Она пыталась понять мужа, но подобные благородные порывы сменялись абсолютным непониманием, абсолютным противоречием. Может ли любящий человек бросить тебя? Человек ли он вообще?

Вдруг послышался шум открывающихся дверей, после топот по лестнице, через секунду в комнату вбежал подросток в широких штанах и с торчащими вверх волосами, он подбежал к кровати и начал очень громко говорить:

– Мать, ты слышала новость от бати?

Мы летим в космос, рыдать хватит!

Глава IV: Семейное собрание.

Александра встала перед своим сыном и вдруг пришла в себя.

– Эй, Магнус, кто это тебя воспитывал! Я твоя мама, а не «мать»!

После этих слов она дала ему подзатыльник, Магнус, выбегая из комнаты, закричал в рифму:

– Папаня, слушай, маманя беснуется,

Оно по ходу на весь мир сильно дуется!

Магнус Фридмен – двенадцать лет, мамины глаза, папин подбородок, относительно длинные волосы, которые он укладывает лаком так, чтобы они всегда были торчком вверх, напоминая расческу. Поскольку этот дикий ребенок был рэпером, т. е. слушал данный музыкальный жанр и общался с людьми из данного сообщества, по предлагаемой моде он был вынужден носить широкие футболки своего брата или специально купленные в магазине. Также он носил невероятно широкие штаны. Всегда этот ребенок проявляет бунтарские настроения, даже если не имеет для них доводов; он очень громкий и довольно глупый, по сравнению со своим братом, однако его изобретательности в речи порой можно позавидовать, ведь он поспорил в своем рэп-сообществе, что сможет говорить целый год, рифмуя свои слова. К сожале-

нию, его брат, Лукас, знаком с тем парнем, с которым Магнус поспорил, поэтому он обязан рифмовать даже перед своими родителями. Вместо того, чтобы произнести: «Дайте мне, пожалуйста, соли», он должен зарифмовать эту строчку: «а то испытаете ужасные боли». Фантазия у него не очень развита, поэтому он часто несет чепуху; и чтобы его понять, следует очень внимательно вычленять из его речи существенные предложения.

Мать спустилась по лестнице, а внизу стоял её муж и их старший сын, Лукас Фридмен. Тобиас держал за спиной букет, делая вид, будто там ничего нет. Он громко сказал:

– Саша, послушай меня, я приглашаю тебя в незабываемое приключение в космосе, вместе с нашими детьми!

После этих слов он встал на одно колено и выставил цветы перед собой, преподнося их своей возлюбленной. Александра еще раз заплакала, но взяла цветы. После чего они очень крепко обнялись. Дети отвернулись.

Магнус сказал:

– Пап, а как же моя рэп-карьера?

Может, я останусь здесь… здесь… здесь…

Вдруг Лукас добавил:

– Не прыгая с карьера.

Магнус огрызнулся:

– Эй, ботаник, я бы и сам справился,

Я бы по тому карьеру спускался бы траверсом.

После чего мать снова дала подзатыльник своему сыну,

сказав:

– Хватит огрызаться на Лукаса, он хотя бы, в отличие от тебя, старается учиться.

Магнус отскочил на некоторое расстояние, а после опять начал читать свой рэп:

– Ну, мама, понимаешь,

Он же ботан, ты же знаешь!

Он учиться очень любит,

Он так время свое губит!

Там ботаники собираются,

И друг с другом они обучаются!

Но настоящее знание не найти в школе!

Я пишу свой настоящий рэп на заборе!

Вдруг отец заткнул своего сына и отвел его в другую комнату.

– Слушай, ну, сколько можно унижать Лукаса?

Магнус молчал.

Лукас без слов подошел к отцу и потянул его за халат. Тобиас повернулся к нему и кивнул. Они пошли в детскую комнату, где старший сын устроил лабораторию.

Лукас Фридмен – четырнадцать лет, юный вундеркинд, изобретатель. Обожает своего отца. Ведет исследовательскую деятельность уже с ранних лет. Тихий. Часто молчит. Ростом он на голову выше Магнуса, но и на голову ниже матери, носит немного затемненные очки, за которыми не видно его глаз. Волосы у него русые и очень длинные, где-то до

лопаток. Лицо почти всегда угрюмое. Из одежды Лукас предпочитает рубашки и брюки, которые, как он думает, смотрятся на нем солидно.

Через несколько минут отец и сын вместе, сидя за большим и захламленным столом, разглядывали изобретение.

– Что это такое, Лукас?

– Это гипнотические очки.

Перед ними лежали очень странные очки, которые были больше похожи на аксессуар для горнолыжного спорта. Этот прибор был черного цвета и покрывал всю верхнюю часть головы чем-то похожим на шлем. По бокам этих очков, которые по сути были похожи на синтез шлема и горнолыжных очков, находились большие наушники.

Отец спросил:

– Как действует этот прибор?

Лукас воодушевленно начал объяснять:

– Линзы – это мониторы, которые с нужной яркостью показывают нужное изображение, которое приводит к гипнотическому состоянию, собственно, папа, я могу менять изображения по своему желанию, если на объект не действует используемый вариант. А наушники нужны для того, чтобы подавать голос. Внутри памяти данного прибора находится огромное количество разных записей, то есть и тут я могу выбирать все, что угодно. Для управления очками у меня есть пульт, который позволяет управлять командами и изображениями.

– Это же гениально! – прокричал Тобиас.

– Спасибо, папа, – сказал сын, очень обрадовавшись.

Но внезапно послышался голос матери:

– Тобиас Фридмен! Явись сюда, нам нужно поговорить!

Отец встал со стула и пошел к своей жене. Уходя, он погладил своего сына по плечу.

– Ты молодец.

Александра не имела понятия, радоваться ей или горевать, она резала салат на кухне; и вот её муж подошел к ней и сзади обнял её:

– Послушай, больше шансов не будет, если ты согласишься полететь со мной, то я буду счастливейшим человеком во вселенной.

Жена грустно сказала:

– А как же твое начальство? Пустят ли они нас на борт?

Тобиас улыбнулся и ответил:

– Так без вас они не увидят и меня, а без меня они не смогут использовать тот прибор, который я изобрел, поскольку он невероятно сложен, да и починить его при поломке могу только я. Они в ловушке. У них нет выбора.

– А нам не нужна специальная подготовка?

Тобиас усмехнулся:

– Современная техника позволяет даже инвалидам летать в космос.

Александра развернулась и поцеловала мужа, а после ска-

зала:

– Тогда я согласна на полет.

В это время в комнату Лукаса вошел Магнус и начал собирать вещи. Юный гений лежал на кровати и рассматривал свое новое изобретение, которым отец так возгордился, однако рэпер издавал слишком громкие звуки, когда собирался. Старший брат, заметив это, спросил:

– Ты куда это?

Младший брат ответил:

– Тебе, может, эти звездочки в радость,

Но для меня даже брокколи — меньшая гадость.

– Хочешь сбежать?

– Мы, рэперы, дети улиц и свободы,

Я не позволю родителям сделать меня картой в их колоде.

– Ты глупый.

– Сам ты глупый,

Все сидишь со своей лупой,

Изучаешь электронику,

Но для меня это дела покойника.

– Хватит рифмовать, я никому не скажу, что ты перестал говорить в рифму.

– Ты не понял? Но рифма – это моя жизнь.

А то, что твоя жизнь, за то и держись.

– Ох, ну ладно-ладно, до встречи, брат.

Магнус собрал портфель и покинул комнату через окно. Лукас сразу же спустился на первый этаж, где сказал роди-

телям, что младший брат сбежал.

Тобиас выбежал на дорогу и увидел, как его сын спокойно удаляется от дома. Отец в мгновение ока догнал его и спросил:

– Ты куда это собрался?

Магнус расстроенно ответил:

– Я пошел гулять,

Так что давай, бать.

Тобиас схватил свое чадо за ухо и повел его домой. Сын кричал и пытался отбиться, но у него ничего не получилось.

Через несколько часов вся семья собралась за ужином. Александра приготовила вкуснейшие блюда, которые только могла.

Глава V: Поверженное чудовище

Три недели спустя. Три недели бесполезной работы. Три недели бессонницы. Капитан спал у себя на корабле, пока этот кит-убийца проглатывал новые порции рыбы.

Озеро, словно бескрайний океан, протягивалось на огромные расстояния, поглощая горизонт своими волнами. Бескрайняя пустота, переполненная птичьим гулом, ветром и всплесками воды, с необычной силой манила всех моряков, но только Льюису Гранду было это не интересно.

Солнечные лучи делали воду прозрачной и чистой, из иллюминаторов казалось, будто ты попал в прекрасный зеленоватый мир, где летали существа, которых мы называем рыбами. Они так изящно извивались, проплывая мимо подводных лодок, что ни один моряк не мог себе позволить не выглянуть наружу. В глазах моряков отражались все эти прекрасные моменты, и все благодаря яркому свету. Кто-то не замечал этого, а кто-то любовался каждый раз прелестями этого таинственного озера.

Однако Льюису, которому чуждо прекрасное, было абсолютно наплевать на красоты, находившиеся снаружи. Он вроде спал, а вроде и просыпался. Его тревожили кошмары из прошлого. Военные взрывы шумели в его фантазии. Он видел, как людей разрывает на куски, как кровь брызжет в

разные стороны, как головы лопаются от попадания разрывных патронов, словно мыльные пузыри. Гильзы непрерывным дождем падали на землю, а он бежал, бежал вместе со своим отрядом. Слева взрыв – они пригнулись, справа – они упали, после, поднявшись, эта группа продолжила свой путь. У них была определенная миссия, которую они не смогли выполнить.

Льюис часто сталкивается с этой проблемой. Картины прошлого появляются перед ним, будто некий кинофильм, разрывая его душу на тысячи частей.

Юный и неопытный заместитель капитана сегодня весь день управлял кораблем. Его робкий стан, очки, да и форма, которая была ему явно не по размеру, — всё это не давало составить о нем какое-то серьезное мнение. Его никто не слушал. Все понимали, что отчитываться перед Грандом придется именно этому мальчику.

Они отставали от графика буквально в два раза. Отработать такое количество часов сверхурочно они бы не смогли, поэтому корабль уже направлялся к берегу, параллельно ему плыла другая подлодка, вдруг парень, который заменял капитана за штурвалом, получил запрос от подводной лодки, идущей рядом.

– Один, два, три, четыре, восемь, шесть, – произнес он, – что это значит? Кто знает?

Все пожали плечами. Друг юноши спокойно сказал:

– Посмотри в справочнике капитана.

Обрадовавшись, паренек поднялся на ноги с удобного кресла, находившегося за штурвалом, и побежал к ближайшей полке, где и выхватил справочник, приближаясь к своему месту, он прокричал:

– Они берут нас на таран! На экране снова появились эти же цифры! Что они значат?

Подводная лодка и правда приближалась, и столкновение было практически неизбежным. Парень понимал, что если подводные лодки столкнутся, то все, кто находится на них, погибнут.

Юноша сел за штурвал и начал уходить от столкновения, заставив лодку плыть вниз. Те же самые цифры вновь появились на мониторе. Таранящие пронеслись мимо, а подводная лодка соприкоснулась со дном озера. Благо, дно было песчаное, но турбины не выдержали и остановились. На корабле погас свет. Снаружи поднялся песок, и даже в иллюминаторы не было ничего видно. Все упали на пол, а после их тряхануло еще раз, когда дна коснулся хвост подводной лодки. Через некоторое время большинство поднялось на ноги.

Кто-то сказал:

– Реактор отключился от удара.

Другой человек ему ответил:

– Надо же было пойти служить на эту развалюху, у нее ведь даже реактор нестабилен, наверное, пробки перегорели.

Электрик зажег фонарь, который постоянно был у него в кармане, и, оглядев все вокруг, громко произнес:

– А ну, быстрее, проверьте тех, кто лежит на полу, и хватит нести чепуху!

Команда принялась проверять тех, кто не смог подняться. Двое погибло от удара в область черепа. Во время столкновения они ударились об острые углы: один валялся рядом с центром управления турбинами (так назывался данный компьютер), а второй угол нашел свою жертву, когда тот проходил рядом со столом, который и оказался для него роковым. Еще четверо были просто без сознания.

– Он… он умер! – закричал один из рыбаков, который проверял того, кто лежал у стола.

– Этот тоже мертв, – спокойно сказал электрик, а после этого спросил: – Больше мертвых нет?

Люди через некоторое время подтвердили, что мертвых больше нет. Юноша же, по вине которого судно оказалось на дне, начал громко извиняться перед всеми. Но все его простили, поскольку каждый понимал, что это не только его вина.

Внезапно с фонариком в руках вбежал Льюис, который с помощью лучей света нашел свою мишень, он погнался за юношей, которому доверил управление кораблем, а тот, в свою очередь, побежал прочь. Старик быстро выдохся.

– Ах ты, проглоти тебя рыба-молот, чертов неудачник, что случилось? Что ты сделал, идиот!?

Паренек в страхе произнес:

– Я спас подводную лодку от гибели, на нас плыла другая

лодка, которая хотела нас протаранить, а я ушел от атаки!

– Мое морское чутье мне подсказывает, что ты, идиот, кальмар тебя подери, меня обманываешь! Кто скажет, что случилось?

К капитану подошел один из рыбаков и сказал, что с подводной лодки прислали какой-то код, в свою очередь капитан переспросил юношу:

– Что-то тут говорят про код, который тебе прислали, а ну, быстро, говори, дурачина, что это был за код! – прокричал Гранд, резко рванув к парню и схватив его за шиворот.

Юноша попытался вырваться, но не смог. После того, как все его попытки освободиться прекратились, он все же решился произнести:

– Один, два, три, четыре, восемь, шесть…

Глаза капитана загорелись яростью, он ударил парня фонариком по голове. Тот упал. Некоторые рыбаки сразу же бросились его поднимать, но старик усердно начал пинать парня ногами. Их пришлось разнимать. Юноша, который только что был ранен, чуть ли не плакал. А старик прокричал:

– Та подводная лодка находилась в кризисной ситуации, и ей нужно было встать к нам на буксир! Вы понимаете, что мы, можно сказать, уничтожили свой корабль, так еще и подвергли опасности другую лодку, люди на которой, возможно, погибли! Этого идиота нужно казнить! Дайте мне разорвать его на кусочки, морские псы!

Старика стали держать еще крепче, как вдруг свет включился. Все замолчали на несколько секунд, и вдруг послышалось громогласное «ура!».

Капитан прокричал:

– Отпустить меня и занять свои места! Нужно выяснить масштаб повреждений!

Команда послушалась приказа, Льюис уселся за штурвал и включил все компьютеры. Радар засек рядом лежащую подводную лодку. Гранд подумал: «Отлично, это же все подсудное дело, как бы меня не посадили в тюрьму». Далее капитан нервно прокричал:

– Что с двигателями?

Ему ответили:

– Они сгорели, когда подводная лодка пыталась пробурлить дыру на дне.

Льюис подумал: «Необходимо вызвать подмогу, иначе мы все здесь подохнем, как зажаренные раки», и вдруг он закричал, включив радиосвязь с центром рыболовства:

– Подводная лодка номер триста восемьдесят три вызывает центр, РГК, отвечайте, это капитан подводной лодки номер триста восемьдесят три!

Из компьютера послышался голос:

– Центр РГК слушает, каковы ваши проблемы?

Капитан встал и начал быстро говорить:

– Мы затонули, прошу вас, вызволите команду.

– Сможем вызвать помощь лишь через три часа, до это-

го мы обязаны спасти другое судно, затонувшее рядом с вашим, поскольку оно получило куда большие повреждения. Ожидайте.

– Хорошо, – расстроенно ответил Льюис.

Юноша тем временем уже давно переместился в другое отделение, чтобы спрятаться от злого морского волка.

В капитанскую вошел электрик, который сразу же направился к своему начальнику:

– Капитан, все готово.

– Молодец, – злобно ответил Льюис.

Три часа просидев на дне озера, команда все же дождалась спасательной подводной лодки. К этому времени наступила глубокая ночь, даже луны не было на небе. Когда всех высаживали на берег, то капитана сразу же отвели к начальству. Эти трое в одно мгновение озвучили приговор:

– Ты должен вернуть нам деньги за подводную лодку, которую ты потопил, иначе отправишься в тюрьму, и, да, ты уволен, – так к Льюису обратился один из начальников.

Другой, поддерживая первого, добавил с грозным видом:

– Через неделю будет суд.

Гранд отправился домой. Через неделю суд признал его виновным. Халатное отношение, которое он проявил во время управления кораблем, непростительно. Три года либо шесть миллионов долларов – эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба. На сбор денег ему дали ровно три месяца.

Когда Гранд приехал домой после суда, то он плакал всю

ночь. После он еще и бесновался, разрушая все вокруг у себя в комнате. Он сломал телевизор, разломал несколько стульев, перебил половину посуды.

Потом он заложил дом, но при этом не заработал и десяти процентов долга, который ему следовало отдать. Он доживал последние дни дома, до того, как его выселят.

Глава VI: Поиск

Десять лет назад Тобиас и Льюис Гранд вышли на орбиту Земли, чтобы испробовать новое чудо техники, которое было собрано по чертежам Фридмена. Ученый, собственно, искал профессионального пилота шаттлов, он искал лучшего из лучших, а по итогам конкурса им оказался именно Льюис Гранд, который после войны решил, что ему следует найти работу. Он в юности поступил в техникум, где обучали пилотов простых самолетов, но его талант позволил ему устроиться на обучение пилотов космических кораблей первого класса, а после и стать самым лучшим пилотом во всем мире. Космические пилоты получали огромные суммы денег, поэтому тогда он не бедствовал. После отбора Льюис согласился пройти обучение в управлении и новым устройством. Они словно были созданы друг для друга. Этот космический корабль позволил Тобиасу и Гранду за считанные секунды переместиться до Плутона и обратно. Они вместе изучили кольцо, которое замыкает нашу Солнечную систему, а потом вернулись.

Тобиасу запомнился тот момент. Он помнил того мужчину, который так ловко управлял шаттлом, модернизированным с помощью идей ученого, словно этот человек сам принимал участие в создании этого шедевра. Безусловно, когда

Фридмен получил от жены согласие на полет, то он сразу же принялся искать Льюиса Гранда.

Когда Тобиас нашел дом бывшего капитана подводной лодки, там уже красовалась надпись «продано». Ученый расспросил жителей, но ничего не выяснил о местонахождении старика. После мужчина отправился на бывшую работу Гранда, и здесь он узнал, что Льюису следует выплатить шесть миллионов долларов.

Поиск продолжался несколько недель, однако найти старика было практически невозможно.

Тобиас же, однако, не унывал. Он заплатил полиции, чтобы они нашли старика.

После месяца поисков стражи порядка отыскали Льюиса голодного, грязного, лежащего рядом с мусорными баками. Его доставили в отдел и связались с Фридменом. Тот немедленно приехал, чтобы поговорить с Грандом.

Старика посадили в одиночную камеру после того, как накормили. Тобиаса привели к старому другу, где и состоялась их беседа.

Ученый начал разговор очень робко:

– Здравствуйте, Льюис, вы меня помните?

Однако старик решил промолчать. Он просто презрительно посмотрел на пришедшего к нему. Фридмен продолжил говорить, но только уже более уверенно:

– У меня к вам дело на шесть миллионов долларов, которые вам выплатит научное сообщество авансом.

Старик сразу же неловко встал на ноги, шатаясь, он оглядел своего собеседника и пожал ему руку, хриплым голосом сказав:

– О, Тобиас, так давно не виделись, дружище, я думал, тебя сожрали те очкатые пираньи, которые проводили надо мной опыты в институте.

– В университете, мой друг, – поправил его ученый.

Бывший капитан, отпустив руку собеседника, задал логичный вопрос:

– Так что за дело?

Фридмен начал с упоением рассказывать:

– Научному сообществу нужен профессиональный пилот космического корабля класса «Омега девятьсот семьдесят один», самого уникального корабля, созданного человеческими руками. Как ты помнишь, судно, на котором мы достигли Плутона, называлось «Омега девятьсот семьдесят», и ты управлял им, словно мастер, будто ты всю жизнь на таких летал. Такой человек, как ты, как оказалось, уникален, да и с тобой работать было приятно, друг, поэтому я настаивал на том, чтобы найти тебя. После я попросил у ректора выделить для тебя сумму в шесть миллионов долларов, чтобы суд отпустил тебя с этой планеты, поскольку мы отправимся на край нашей галактики, чтобы изучить удаленные звездные системы, да и взглянуть на галактику с другого плана.

Льюис громко кашлянул, а потом сказал:

– Я согласен, но ты ведь помнишь о времени…

– Да, – с грустью произнес Тобиас, – мы окажемся на Земле через сотню лет. Насколько ты знаешь, я сделал все, чтобы понизить эффект этого временного казуса. На том корабле, который нам предоставят, будет совсем иной временной контроллер, поэтому даже тот потерянный день, который прошел во время нашего перемещения до Плутона, стал бы одной секундой.

– Сто лет? – недовольно переспросил старик.

Тобиас сделал умный вид и продолжил:

– Изучение пространственно-временного континуума показывает, что именно такое время понадобится нам для путешествия, поскольку способы перемещения в пространстве затрачивают слишком большое количество энергии, а уменьшение времени происходит под воздействием дополнительных энергетических источников.

– Не умни, я согласен.

Глава VII: Производство «Омеги девятьсот семьдесят один»

Вы видели когда-нибудь самолет Стелс? Его так называют в народе, а одна из разновидностей самолетов с данной технологией — «Northrop B-2 Spirit». Помните эти треугольные и тонкие контуры, огромные крылья? Помните этот готичный черный цвет?

«Омега девятьсот семьдесят один» – корабль, чем-то напоминающий Нортроп. Контуры, по крайней мере, копированы полностью с этого летательного аппарата. Однако вместо шасси у него имеются огромные двигатели, которые, собственно, и являются изобретениями Тобиаса. Только с помощью одного из двух этих двигателей возможно путешествие на край вселенной.

Почему именно Омега? Считается, что этот корабль – апогей человеческого творения, который невозможно будет существенно перерасти, поскольку корпус этого средства передвижения сделан из прочнейшего металла, который одновременно еще является и легчайшим. Данный сплав был получен совсем недавно. Детали данного аппарата – абсолютно уникальны. Каждая из них создана практически вручную. Долгие работы проводились над тем, чтобы добиться абсо-

лютной конгруэнтности всех частей корабля.

В итоге корабли класса Омега признаются самыми качественными кораблями. Теоретически предполагается, что последняя модель настолько прочная, что выдержит лобовое столкновение с землей на скорости триста километров в час.

В броне данного космического гиганта скрывается несколько слоев металла, уложенных так, чтобы любое столкновение амортизировалось с максимальной силой.

Также предполагается, что эта махина может позволить себе столкновение с метеоритом, однако двигатель не настолько стабилен, чтобы после такой тряски исправно работать, поэтому рисковать не стоит.

Сейчас, после многолетней почти ручной работы, ювелиры космических изделий занимаются тем, чтобы усовершенствовать данный корабль всеми возможными способами.

Система гравитации данного корабля работает так, словно человек находится на земле, да и все на корабле идеально напоминает земные условия. На борту даже растут растения. Точнее, есть специально выделенные участки корабля, где располагается земля, в которую посажены различные небольшие деревья и кустарники. Ох, но почему же я решился сразу рассказывать о таких мелочах?

План корабля вполне предсказуем. Изнутри он похож на двухэтажный пятизвездочный отель, с ограниченным количеством номеров. Самая большая комната – рубка управления, откуда и производится регулирование всех функций ко-

рабля, а также управление движением. На полу, около стен, почти везде протекают каналы, которые наполнены теплой пресной водой. В ней можно мыть руки, умывать лицо, но это делать нежелательно. На самом деле эта самая вода течет по каналам не для того, чтобы её пили или умывались в ней, а для того, чтобы доставить её в специализированные умывальники, уборные, кухни, души и так далее. В этом космическом кондоре приблизительно сорок жилых комнат, которые созданы специально для огромного обслуживающего персонала.

На каждом шагу здесь можно встретить очередной компьютер: компьютеры в столовой, в душе, в спальне. Самое интересное, что на корабле имеется некоторый перечень компьютерных игр. Помимо кино и видеоигр, на корабле предусмотрена и библиотека. Рядом с библиотекой находится и научный отдел, где специалисты обсуждают все, что они увидели. Тут же проводятся опыты.

Безусловно, это самый практичный корабль во вселенной.

Раздел третий:
Последняя неделя дома

«Смех и вздох, поцелуй и прощание – вот и вся наша жизнь». **Джером К. Джером**

Глава I: Илья Иванов

Радостный парень в костюме почти вприпрыжку перемещался по улицам города, он размахивал своей кожаной сумкой, где находились документы. На его гладковыбритом лице сияла улыбка, а голубые глаза горели от счастья, иногда жмурясь от солнечных лучей. Но как только этот счастливый человек заходил туда, где правила тень, то его глаза раскрывались так широко, как только могли. Он чувствовал прилив сил, словно какая-то мистическая энергия обнимала его, заставляя его порхать на ходу.

Одинокие и безликие автомобили проезжали мимо, люди с тусклыми лицами, недавно запеченными на ярком дневном солнце, тихо и медленно ковыляли до ближайшей станции метро, а он просто летел, летел, словно космический корабль, устремляющийся в безграничные просторы космоса.

Имя этому молодому человеку – Илья Иванов. Выходец из русско-украинской семьи, единственный ребенок, который не имел никогда ни братьев, ни сестер, юный и талантливый ученый-физик. Он всегда был довольно-таки позитивен, но сейчас его радости не было предела. Не пожилой, энергичный, со свежим умом и большим количеством знаний – он был отличным специалистом, который мог себе позволить самостоятельно работать со сложнейшими прибора-

ми, требующими юношеской ловкости. На кафедре физики его очень ценили.

Илья доскакал до своего дома. Элегантно нажав на нужную кнопку домофона, парень станцевал победный танец, но, когда заметил, что за ним наблюдает старушка, проходящая мимо, то он был вынужден сделать вид, что спускался завязывать шнурки, а не в танце подгибал колени.

Мама наконец-то нажала на кнопку, Илья открыл дверь и направился по лестнице на свой этаж. Он очень любил ходить пешком, поэтому игнорировал любые контакты с лифтом. Поднявшись к своей квартире, он постучался. Мать открыла.

– Здравствуй, мамочка! – произнес ученый, заходя внутрь.

Женщина же скептически посмотрела в сторону сына:

– Чего это ты такой счастливый? Опять кого-то на экзамене завалил?

– Мам, я отправляюсь в космос! – закрывая дверь, произнес Илья, еле сдерживая радость.

Она молчала, но через некоторое время, придя в себя, она смогла сосредоточиться на вопросе; все же её губы проговорили:

– Какой космос? Не бреши.

Сын продолжил:

– Мне предложили совершить этот перелет, поскольку на корабле нужен управляющий персонал, который может

управлять ремонтом двигателей, а я специализируюсь на этом. Мы с профессором Тобиасом много работали. Я изучал его технологии. И теперь я готов! Я могу помочь людям в этом путешествии!

Мать мгновенно парировала:

– Опять этот дурак, Тобиас, уговорил тебя заниматься чепухой!

Илья, разозлившись, прокричал:

– Не оскорбляй мистера Фридмена!

После этих слов парень быстрым шагом пошел к себе в комнату, а мать произнесла, когда он проходил мимо:

– Отец с тобой еще поговорит.

Закрывшись в своей комнате, Илья сел за ноутбук. Он открыл свою будущую докторскую работу, в которой был готов пока только титульный лист. Парень смотрел на свою будущую работу, представляя славу, которую ему принесет то путешествие, в которое они отправляются. Он смотрел на пустые листы, пролистывал дальше и дальше, заполняя их воображаемыми буквами. Слава, почет, деньги – разве это не достойная благодарность для ученого? Мечты, мечты, мечты. А завтра снова на работу. Осталась еще одна неделя.

На следующий день Илья отправился в университет, где его ожидало два потока студентов, которых он должен был выслушать. Пришлось ставить оценки просто так, рассчитывая на свое педагогическое чутье, ибо слушать сегодня он ничего не хотел. Да и зачем слушать этих детей? Совсем ско-

ро он отправится туда, где ему не придется принимать экзамены.

На следующий день ученому пришлось заполнять всю документацию. Это было слишком утомительно. Молодой преподаватель с трудом добрался до дома после работы и улегся на диван.

Его мать плакала каждый день. Она не желала терять своего единственного сына. Тем более он ей рассказал о том, что этот перелет закончится лишь тогда, когда её уже не будет на этом свете.

И вот часовая стрелка сделала четырнадцать оборотов. Илья стоял на пороге дома, снаружи находились чемоданы. Его отец бессердечно играл в шахматы сам с собой, а мать стояла напротив и плакала. В её голове сейчас находился целый океан горя, который, собственно, и выливался из её глаз. Она покраснела от этих слез. Громко всхлипывая, мать бросилась в объятья сыну, пытаясь проговорить:

– Останься.

Илья понял, что та хотела сказать:

– Мам, но я не могу… это же настоящая мечта! Мечта увидеть космос, другую часть вселенной, а здесь я сгнию в университете, в ожидании того, как Тобиас вернется через сто лет. Я ведь умру, не узнав тайны вселенной. Это ужасно.

Вдруг отец поднялся на ноги, подошел к матери, обнимающей сына, взял её за плечо и строго сказал:

– Он умрет, если не узнает тайны вселенной, а если он об-

рекает родителей на страдание, то он не умрет. Он – эгоист. Ты понимаешь, что он не ценит нас так сильно, как свою чертову вселенную. Для него этот безликий комок звезд важнее, чем самые близкие люди. Вот кого мы воспитали, мы воспитали того, кто нас не любит, а плакать из-за вот этого вот существа, которое презирает нас, — это глупое занятие. Понимаешь? Он никогда не вернется. Мы умрем в одиночестве, мы обречены, а он просто улетает навсегда. Это нормально, жена. Это нормально в этом мире.

Илья посмотрел в глаза своему отцу, тот в свою очередь прожег его сердце пронзительным взглядом, который заглядывал в самые сокровенные уголки духа. Они смотрели друг на друга так, словно ненависть полностью поглотила их умы. Слеза скатилась по щеке сына прямо матери на темечко.

Через некоторое время он уже мчался на такси к аэропорту.

Глава II: Томас Ирвин Грин

Томас Ирвин Грин – сын богатейшего человека на этой планете. Он богат, красив, имеет очень избалованный характер. Одевается Томас всегда только в ту одежду, которая сшита на заказ известнейшими производителями.

Его длинный, но тонкий нос словно вынюхивает информацию, когда люди разговаривают с ним. Хитрые и узкие глазенки бегают из стороны в сторону. Светло-русые волосы средней длины постоянно танцуют, когда на них дует ветер. Да и вообще, поправлять волосы этот человек очень любит.

Томасу было тридцать лет. И именно в этом возрасте он явился к своему пожилому отцу, Ирвину Грину, у которого попросил:

– Здравствуйте, мистер Грин, я слышал, что научное сообщество запускает на днях «Омегу девятьсот семьдесят один», я бы хотел полететь вместе с командой этого корабля, чтобы увидеть вселенную.

Отец, поморщившись, ответил:

– Значит, вселенную? Хорошо.

Томас радостно ответил:

– Благодарю вас, мистер Грин.

Сказав это, он отправился в свою комнату. На пути он столкнулся с прислугой, которая не заметила идущего.

– Эй, слепая курица, ты совсем уже совесть потеряла? – грубо начал пререкаться Томас.

– Простите меня, простите, – расстроенно завопила женщина, которая, кстати, была в полтора раза старше, чем этот сын богача.

– Ничтожество, я попрошу отца, чтобы он тебя уволил, ты поняла? – грубо продолжал он.

– Не надо, прошу вас, не надо! – умоляла женщина.

Томас оттолкнул её, та ударилась об стену. Сын богача пошел дальше, нашептывая себе под нос слова оскорбления в адрес прислуги.

Тем временем Ирвин Грин уже договаривался с научным сообществом о том, чтобы его сыночек поскорее улетел. Но почему отец так торопился избавиться от своего чада? На самом деле у него была молодая пассия, которая ненавидела его сынка и собиралась родить ему нового наследника, но только вот этот вот, который старший, постоянно мешал. Томас ненавидел эту девку, которой, кстати, было не больше двадцати лет. Она была красива, отчасти даже умна и начитана, но обоюдная ненависть сына и любовницы очень не нравилась Ирвину, который хотел бы избавиться от сына таким образом, чтобы тот остался счастлив, а тут подвернулась такая возможность. Безусловно, старик сразу же связался с научным сообществом. Богач выкупил место на корабле.

Всю последующую неделю Томас Ирвин Грин провел на вечеринках, где было очень много алкоголя, красивых деву-

шек и еды. Он пытался насладиться последними днями на земле, прежде чем отправится наслаждаться космосом.

Но зачем ему наслаждаться космосом? Все просто. Томас – очередной скучающий персонаж. Ему скучно абсолютно все, ведь он думает, что он все знает на этой планете. Но вдруг перед ним возникла возможность отправиться в другой мир, познать нечто новое. У него появилась новая надежда избавиться от скуки. Хотя я обманываю. У него появилась возможность скучать над чем-то более высоким, чем человечество! Он хочет разочароваться еще и во вселенной, чтобы поставить себя выше нее! Тщеславие некоторых людей поражает своей тотальной мощью. Они ставят себя своим самомнением над самим бытием! А как же не ставить? К тридцати годам товарищ Томас Грин получил три высших образования в Оксфорде, что уже сразу же делает его намного умнее, чем все эти ползающие по земле черви, которых обычно называют людьми, да и получше он всей этой жалкой планеты, однозначно. Ведь деньги и образование – это так важно!

И вот – он… образованный, богатый, но так тесно связанный с унитазом ртом после очередной вечеринки. Такое впечатление, что он со своими тремя образованиями нашел свое истинное место.

Томас никогда в жизни не работал. А зачем работать тому, кто и так уже чертовски богат? А зачем три образования? Никто не знает. Да и учиться он не любил, что уж там.

Но отец хотел, чтобы его сын был умным. Но, к сожалению, ни один родитель не знает, что такое ум на самом деле. Он отдал своего ребенка в университет, чтобы вокруг того создали оболочку ума, чтобы все остальные люди мнили, что их собеседник является образованным. Но в отличие от того же Тобиаса, который знал методологию своей науки, Томас лишь верил теориям, которые ему преподносили в виде «истинного» материала. Это не образование, а заучивание нового «научного» завета.

Как следствие, Томас имел определенное количество мнений, которые было невозможно оспорить, потому что он свято верил в их доказанность, хотя самостоятельно ничего не доказал и даже не пытался вникнуть в эти доказательства.

Когда эта неделя подошла к концу, то Грин отправился к аэропорту. Отец позаботился о том, чтобы все вещи его сына были собраны. Пришлось нанимать грузовик. Однако самого отца на прощании с сыном не было, да и сам Томас не очень хотел бы видеть этого старого монарха, перед которым ему всегда приходилось пресмыкаться.

Глава III: Льюис Гранд

Когда научное сообщество выплатило суду все необходимые средства, Льюис отправился к своим бывшим работодателям. Он позитивно шел по лестнице, насвистывая какую-то веселую мелодию. На нем была чистая одежда, которую он постирал дома у Тобиаса, где он в последнее время и жил.

Секретарша пропустила его. Гранд быстро постучался и зашел в кабинет к трем его бывшим начальникам. Эти боровы недовольно посмотрели на старика. Один из них сказал:

– Что тебе нужно?

Льюис подошел к нему вплотную, а потом плюнул ему в лицо. Начальник был ошарашен. Его будто бы парализовало. Остальные были так же неподвижны и удивлены. Старик пошел ко второму столу, чтобы повторить свой акт неуважения. Плевок — и второй начальник уже утопает в слюне.

Третий же руководитель резко встал, но когда он вставал, то ударился коленями о стол, после чего этот толстяк упал с грохотом на пол, крича нецензурные выражения. Гранд же неторопливо подошел к нему и так же плюнул, попав прямо в левый глаз, который не успел зажмуриться.

Вытираясь от слюны, тот начальник, в которого плюнули первым, ударив по столу, встал и прокричал:

– Какая наглость! Приведите сюда охрану!

Второй поддержал его, нажав на кнопку вызова секретарши:

– Охрану сюда, охрану!

Гранд же, отойдя на несколько шагов, произнес:

– Вы, толстые, бесполезные, беспомощные люди, которым и жить-то не стоит, клянусь морскими тритонами. Я мечтал это сделать в течение всего того времени, пока работал на вас, пираньи из пруда.

Сказав все это, Льюис плюнул на пол, а после его забрал охранник, который выставил старика за дверь. Бывший капитан подводной лодки поковылял домой к Фридменам.

Жил он в единственной свободной комнате, часто ругаясь с детьми и с женой Тобиаса. Это было нормально для такого человека, как Гранд.

Иногда он ходил на прогулки, но чаще всего проводил время за тренажером, предназначенным для обучения пилотированию «Омегой девятьсот семьдесят один». Ученое сообщество недоумевало. Этот старик управлял кораблем лучше, чем молодые пилоты, притом он набирал раза в два-три более хорошие результаты, чем их прежний чемпион, которого пришлось бы посадить за штурвал этого гиганта, если бы они не отыскали старика. Несмотря на возраст и образ жизни, старик был несомненно лучшим пилотом, который просто был создан для управления космическим кораблем.

Ученые очень сильно удивлялись тому, как старик обхо-

дит всю молодежь. Лишь некоторые помнили Льюиса. Кстати, как показывал опыт, у него снизились показатели, но не настолько, чтобы кому-то уступить в этом мире. Подобный феномен ученые просто не могли упустить.

Глава IV: Магнус Фридмен

Он сидел и слушал современную музыку. Мать же постоянно следила за Магнусом. После того, как тот решился сбежать, родители не выпускали его из дома даже в школу. На улицу он больше не ходил. Тобиас сказал, что он займется обучением и воспитанием сына на корабле, а пока пусть сидит в своей комнате.

Магнус неоднократно предпринимал попытки побега, но мама всегда разгадывала их с особой проницательностью. То он пытался покинуть дом через окно, то через парадную дверь, а однажды у Магнуса хватило фантазии для того, чтобы спрятаться в шкаф на первом этаже. План был таков: дождаться, пока Александра поднимется на второй этаж, и сбежать через первый.

Да, в этом старом и пыльном шкафу лежала старая одежда, которую никто не носил уже несколько лет. Моль, словно находясь на седьмом небе, пировала здесь от души. В это темное царство уже никто не заглядывал в течение нескольких лет. Паук тем временем оплетал очередную жертву этого псевдорая своей паутиной. Ни одно насекомое не понимало, что все их потомство – это лишь прихоть селекционера-паука, который из своей доброты не убивает всех сразу, а терпеливо кладет себе на стол очередную жертву лишь тогда,

когда хочет есть.

Магнус, увидев паука достаточно больших размеров, пожирающего очередное насекомое, выбежал из шкафа с криками, словно маленькая капризная девочка.

– Мама, мама! Там огромный паук!

Я думал, что я уже труп!

Александра циничным взглядом пробежалась по сыну, оценив его пыльную одежду:

– Что ты делал в шкафу? – спросила она.

После этого сын пытался оправдаться перед мамой своими неловкими стишками, но она его наказала. Кстати, Магнус собирался прятаться в шкафу, пока его любимая мать не примется его искать и не покинет дом. А потом он собирался и сам выбраться наружу.

Всю неделю Магнус пытался вырваться из дома, но всегда его постигали неудачи.

Глава V: Лукас Фридмен

«Меня никто не ценит,
Никто меня не любит.
У всех – одно веселье,
А я – погрязший в буднях».

Дописывая последнюю строчку, Лукас еле слышно вздохнул. Мать за уши притащила в комнату Магнуса. Старший брат незамедлительно спрятал написанное им в стол.

– Мать, ну хватит уже, мне больно,
Я просто хотел погулять вольно!

Мать начала ругать младшего сына, а тем временем Лукас покинул комнату и отправился на прогулку. Он дошел до замечательного парка, где природа стыдливо обнажала свои красоты. Каждая травинка, каждый листик, каждое дерево – это символ чего-то прекрасного и нетленного, чего-то возрождающегося, чего-то сильного. И этот символ был так близко.

Лукас часто посещал это место, читая здесь книги. И в этот раз он принес с собой очередной том практической физики. Солнце игриво выглядывало из-за могучих ветвей деревьев, а он сидел на скамейке, медленно перелистывая страницы.

Неожиданно на горизонте появились одноклассники Лукаса, которые его очень сильно недолюбливали. Они заметили парня. Один из ребят предложил:

– Может, накостыляем ему? Он скоро улетит, а мы останемся здесь.

Второй поддержал первого:

– Да, давай.

Но третий испугался:

– Нет, парни, я не хочу влипать в эту историю, простите.

Первый сразу же сказал:

– Ты боишься? Да он нас за людей не считает, думает, что мы зверюшки.

Второй поддержал первого:

– Я помню, как он смеялся, когда я отвечал на физике.

Но третий не сдавался:

– Парни, родители меня убьют.

Второй продолжил:

– Я помню, учитель однажды спросил у него, что поставить мне, а тот ответил, что я заслужил двойку.

Первый тут же поддержал второго:

– Он нас за зверюшек считает!

Лукас не слышал, о чем разговаривали его одноклассники, но понимал, что их компания не скрасит его времяпрепровождение. Он зарылся взглядом в строчки текста так глубоко, словно страус, уткнувшийся головой в землю.

Одноклассники приближались все стремительней и стре-

мительней. Первый рукой выбил книгу у Лукаса, а второй, сев рядом с ним на скамейку, крепко обнял его, доставляя тем самым неприятное ощущение.

– Привет, ботаник, как дела? – спросил первый, выдавливая из себя эти слова, словно из тюбика зубной пасты.

Лукас ответил, чуть ли не дрожа от страха:

– Все хорошо, ребята, а вы как?

Троица рассмеялась. Второй одноклассник, после того, как прекратил свой дикий хохот, который, кстати говоря, был противным, решил спросить у Лукаса:

– Мы, ботаник, слышали, что ты улетаешь в космос?

– Да, мы слышали об этом, но знаешь что, – сказал первый, – я тоже хочу в космос!

Второй переспросил его:

– Хочешь в космос?

Третий же засмеялся, а первый, отвесив тому пинка, продолжил:

– Да, парни, хочу в космос. Там хорошо. Звездочки и прочее. А тут вот этого очкарика решили отправить!

Второй быстро протараторил, обращаясь к Лукасу:

– Хочешь отправиться на небо уже сегодня?

Лукас очнулся в больнице. На нем были легкие следы от побоев, огромный синяк в пол-лица и испачканная одежда. Родители забрали мальчика к вечеру. После этого и он перестал ходить в школу.

Оставшиеся дни до отлета Лукас дорабатывал свои гип-

нотические очки.

Глава VI: Александра Фридмен

Часы бесконечно долго пролетали на кухне. Ах, эта замечательная кухня! Тут было все, что так любила Александра. Здесь можно было приготовить одно, другое, третье! Столько возможностей! Столько творчества! В отличие от своих соседок, жена Тобиаса считала готовку проявлением своего собственного таланта. Ей действительно нравилось готовить. Каждая ложечка, каждая чашечка, каждая кастрюлька – все стояло здесь на своем месте. Истинный порядок часто сменялся творческим беспорядком, который через некоторое время снова превращался в безукоризненную чистоту. Жаль, что в остальных помещениях в доме Александра не любила убираться, поэтому уборкой занималась специально нанятая женщина, в то время, как хозяйка дома творила очередное свое произведение искусства.

Дом – крепость, поездка в магазин – крестовый поход. Такова идеология Александры. Она очень любила свой дом. Они словно были созданы друг для друга. Два организма, которые находятся в абсолютной синхронизации, — это же так родственно, близко, дорого. Но она понимала, что ради любимого человека ей придется пожертвовать своим лучшим другом – домом.

Кому-то нравится природа, кому-то океан, кому-то му-

зеи, кому-то парки развлечений, а Александра находила у себя дома и красоту природы, и развлечения, и целый океан забот, которые никогда не заставляли её скучать. Тут были и парки домашних растений, которые возрастали на окнах, протягиваясь своими дорожками между горшочками, где они, эти самые растения, и стояли. Дождик из опрыскивателя регулярно атаковал их своими каплями, а жена ученого удивлялась красоте всего этого процесса. Вот она, её природа, её мир, который ничем не лучше и не хуже, чем миры остальных людей. Он просто такой, какой он есть, без изысков и излишнего волнения.

В этом мире она Богиня, которая управляет всем, подчиняя себе стихию.

Александра любила свой дом, поэтому данная неделя была для нее неделей прощания.

Глава VII: Ученик

Скамейка. По обе стороны два фонаря. Безлюдный парк. Ночь. Тобиас сидел на этой скамейке, ожидая кого-то. Он волновался. Легкий ночной ветер нежно трепетал его волосы. Было холодно. Эти незначительные дуновения доставляли еще больший дискомфорт, чем ураган днем. Ученый замерз. Минутная стрелка на его часах описала уже второй полный оборот, но никого не было. Тень покрывала почти все вокруг, и лишь два фонаря создавали две огромные сферы, которые не давали Фридмену ослепнуть окончательно. Хотя где-то вдалеке виднелись звезды, но они редко выглядывали из-за туч. Город не попадал в поле зрения ученого, поэтому он не мог любоваться огнями, исходящими оттуда, зато, если бы он посмотрел по сторонам, то увидел бы, что такие же сферы освещают еще и другие скамейки.

– Где же ты? – полушепотом произнес ожидающий.

Через некоторое время старый мужчина приблизился к скамейке, на которой сидел ученый. Старик сел рядом. Его глаза были ярко-голубые, словно летнее полуденное небо в безоблачную погоду. Он был начисто выбрит. Морщины, полностью захватывавшие лицо, подобно броне, защищали юную сущность этого старца. В нем кипела жизнь. Эта удивительная энергия поразила Тобиаса, он не ожидал, что его

учитель, его главный наставник, до сих пор настолько силен духом. Фридмен вскочил на ноги, а потом, преклонив голову, сказал:

– Мистер Андерс, здравствуйте.

Старик, улыбнувшись, спокойно ответил:

– Садитесь, мистер Фридмен, здравствуйте.

Тобиас немедленно сел рядом со своим учителем. Время разлучило их на долгие пять лет. Леон Андерс – величайший физик-теоретик своей эпохи, лауреат Нобелевской премии, человек, который подготовил десятки лучших профессоров для лучших университетов Европы. Он помимо того, что был замечательным теоретиком, еще и в практической физике разбирался лучше многих специалистов-практиков. Его история практически бездонна, о нем можно рассуждать в течение многих часов.

Тобиас смотрел на своего учителя, а тот любовался небом, на котором облака устроили гонки. Ветер постепенно усиливался. Фридмен затянул пальто потуже, а после, придерживая воротник рукой, обратился к Леону:

– Почему вы предложили мне встретиться с вами именно в парке, ночью?

Старик улыбнулся, а после сказал:

– Все эти квартиры, дома, лаборатории – скука смертная. Ночь, небо, свежий воздух – вот то, что нужно для хорошей беседы, или вы, мистер Фридмен, так не считаете?

Тобиас немного задумался, а потом ответил:

– Я не думаю, что есть разница, где разговаривать, но здесь мне холодно.

Леон улыбнулся еще раз, а после продолжил говорить:

– Холод нужно чувствовать и принимать с любовью, тогда он становится другом, а не врагом. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Фридмен сразу же начал свой интереснейший рассказ:

– Мистер Андерс, я улетаю в космос! Улетаю на край вселенной! Вы же знаете, что это значит?

– Это значит, что я вас больше не увижу, – нисколько не огорчившись, произнес Леон, рассматривая небо.

– Да, спасибо вам большое за то, что научили меня всему, что я знаю! – радостно произнес Тобиас, но лицо старика нахмурилось.

– Ты уверен, что я тебя хоть чему-то научил? – сказал Леон, повернувшись лицом к своему собеседнику.

– Да, конечно! Я узнал, что существует пространство-время, узнал о том, что ничего не может быть быстрее скорости света, а после еще узнал, что можно обойти подобные явления природы с помощью перемещения! Это и помогло мне разработать специальный двигатель, который переносит предметы в пространстве на разные расстояния.

– Знаешь, к чему я пришел за всю свою жизнь?

– К чему? – заинтересованно спросил Леона Тобиас.

Старик немного нахмурился, а после недолгого молчания начал говорить:

– Я вижу кругом одно тщеславие. Это все выглядит так, будто одни люди разрабатывают свои научные труды лишь для того, чтобы при споре с теми, кто не занимается наукой, заявить о своем авторитете. Я подразумеваю, что мы с тобой находимся в полной безызвестности, ничего не знаем о природе, а лишь довольствуемся её тенью.

Тобиас немного завелся:

– Как же так? Какой тенью? А как же практические научные достижения, которые являются доказательством нашей правоты?

Андерс продолжил:

– Мы с тобой похожи на людей, которые забивают гвозди с закрытыми глазами. Вроде бы практическая польза есть, но все-таки многого мы не знаем. Ты, наверное, не заметил, как быстро сменилась культура. Теперь каждый второй сериал не обходится без модного ученого, который обязательно спасет ситуацию своими знаниями и умениями, а в журналах что? Кругом научные статьи! Пятьдесят лет назад подобная популярность только набирала обороты, я видел это, но сейчас – образовательные проблемы решены, наука не имеет никаких соперников, мир любит ученых так, словно те и вправду лучшие люди на этой планете.

Тобиас прервал своего учителя:

– А разве это не так? Разве мы не лучше тех безграмотных и глупых людей, которые бродят по улицам?

Леон огорченно ответил:

– А кого ты называешь образованным? И не придумали ли мы сами это образование?

– Нет, образование существовало до нас с вами, мистер Андерс! А образованным я называю того, кто много знает!

Старик огорчился еще сильнее, но все же продолжил говорить:

– А я считаю образованным того, кого кто-то образовал, и мне грустно слышать, что я не научил тебя самостоятельно образовываться, а лишь образовал тебя. Понимаешь? Нет, я вижу в твоих глазах этот блеск пустоты. Ты не понимаешь? Ты не понимаешь. Я был одним из тех, кто в юности способствовал популяризации науки. Со временем я обучил многих известных ученых, но я не смог обучить их тому, чего у меня тогда не было, — я не думал, а принимал жизнь такой, какая она есть. Такой, какой она мне казалась.

– Но это ли не самый правильный выбор?

Леон улыбнулся, но потом нахмурился:

– Правильно, неправильно. Истинно, ложно. Ты хочешь жонглировать со мной понятиями? Когда начинаешь думать, мир становится иным. Ты понимаешь, что все эти теории – это творческая деятельность, она хороша, красива, относительно истинна, но она мало чем отличается от слепого человека, который пытается забить гвоздь. Если привыкнуть к тому, что ты забиваешь гвозди с закрытыми глазами, то практическая польза от этого растет, но знаний больше не становится. Конечно, мы со временем становимся более лю-

бопытными, ощупываем каждый гвоздик как можно более полно, но потом снова его забиваем. Я потерял ту самую ценность, которую имел в юности. Я потерял ценность практики. Я просто хочу знать, но не могу себя убедить в том, что я что-то действительно знаю.

Тобиас начал воодушевленно подбадривать своего учителя:

– Вы знаете больше, чем кто-либо; вы гениальнейший ученый, ваши знания сравнимы со знаниями библиотек! Я вам завидую, честно!

– Не утешай меня, Тобиас, я не требовал утешения.

– Просто я не могу смотреть на то, как самый гениальный человек, живущий сейчас на земле, изводит себя какими-то странными мыслями, – сказал Фридмен, с каждой секундой говоря с большей долей скорби.

– Невозможно извести себя мыслями, они перерождают, но не изводят. – Старик был похож на свечу, которая только горела, но вот уже торопится угаснуть.

– Мистер Андерс, вам плохо? – озабоченно спросил Тобиас.

– Нет, я просто немного расстроился.

– Почему?

– Потому что в этой жизни можно научить всему: можно научить читать, писать, говорить, можно выучить все теории, зазубрить все формулы, но нельзя сделать лишь одного…

– Чего же? – спросил Фридмен.

Леон повернул голову и посмотрел в глаза своему собеседнику, его взгляд снова загорелся, словно там, у него в голове, взорвалась атомная бомба, а Тобиаса угнетал этот взгляд; в этих глазах полыхали дикая сила и желание, которых ранее ученик не замечал в своем учителе. Старик молчал совсем недолго, но эти мгновения казались вечностью, ведь ученик так хотел узнать у своего учителя, что же все-таки является недоступным для обучения. И вот Андерс сказал тихим голосом, в этот раз почти шепотом:

– Нельзя научить кого-то думать.

Тобиас чуть ли не разгневался, поняв то, что его только что попытались оскорбить, он поднялся и сказал:

– Мне кажется, что не зря существует такая дисциплина, как логика! И там не ерунде учат, господин Андерс. А если вы все-таки решились утверждать, что людей нельзя научить логике, то вы ошибаетесь, ведь это вполне возможно!

Старик медленно произнес:

– Не о логике речь, а о мышлении.

Тобиас негодовал:

– Но ведь логика – наука о закономерностях мышления!

Леон спокойно ответил:

– Расскажи мне о том, как силлогизмы помогают тебе мыслить?

И тут Тобиас сменил тему разговора:

– Я думал, что вы похвалите меня.

И тут по щеке старика потекла слеза:

– Ты самый лучший слепой, который забил самый большой гвоздь за всю историю человечества! Я тобой, конечно, горжусь.

– Но вы же только что говорили…

– Не слушай старика, быть может, я совсем выжил из ума.

Глава VIII: Размышления

Тобиас лежал на кровати у себя дома и думал над словами своего учителя:

«Что же он имел в виду, когда говорил, что я – человек, который забивает гвоздь, будучи слепым? Неужели он считает меня глупцом? Даже его великая похвала тонет в этом сарказме! Или это был вовсе не сарказм? Трудно понять, ведь он так ничего и не сказал! Я не помню весь этот разговор. Быть может, он просто свихнулся? Сошел с ума? Говорят, что к старости такое находит на стариков. «Чем тебе помогли силлогизмы?» – как же он мог такое спросить, если знает, что я очень логичен в своем мышлении, очень последователен! Вероятно, он даже не рад тому, что я отправляюсь в космос. А, может быть, он завидует мне? Ведь только я отправляюсь туда, где он даже и не бывал, а, самое главное, никогда не будет! Вот именно! Он завидует мне!»

Вдруг к Тобиасу подошла его жена в халате, она нежно сказала ему:

– Милый, давай уже иди, чисти зубы и умывайся, а то мне придется выгнать тебя спать на диван.

Ученому пришлось пойти чистить зубы. Он лениво поднялся с кровати и поплелся в ванную комнату, где так же неторопливо намазал пасту на щетку, а после приступил к

самому мероприятию по очищению эмали, параллельно размышляя:

«Он точно хотел, чтобы я унизился и признал, что глупее его! Но я молодец, я держал оборону до конца. Эх, а я так уважал этого старика, хотя он на самом деле вот таким вот образом выжил из ума. Он, скорее всего, подумал, что сможет отговорить меня от полета! Эх, как глупо с его стороны. Но тогда, когда я еще был молодым, он так хорошо ко мне относился, словно к сыну. Как же все стремительно меняется. Но я ничего не понял. Он начал говорить так таинственно, словно потерял весь свой накопленный ум. А раньше ведь он знал больше всех. Знал больше всех! Ему не было равных, а тут он заговорил о таких непонятных и таинственных вещах. Но что же он подразумевал? Какое жонглирование понятиями? Мы же с ним оба хорошо понимаем, что такое правильно, а что такое неправильно? Или нет? Черт, что же происходит у меня в голове?»

– Любимый, чего это ты так долго чистишь зубы?

Тобиаса неожиданно затрясло, после нескольких секунд молчания он сплюнул зубную пасту в раковину и сказал:

– Все хорошо, я просто решил хорошо почистить зубы!

Фридмен быстро умыл лицо, вытерся и покинул ванную, выключив свет и бросив полотенце на стиральную машинку. Жена уже лежала на кровати, отвернувшись от мужа, явно имитируя сон или попытку заснуть.

Ученый лег рядом. Он укрылся одеялом. Необъяснимая

дрожь прошла по телу под наступлением теплоты и комфорта. Он закрыл глаза.

Александра подняла вверх руки и щелкнула пальцами – свет выключился.

Глава IX: Земля – это мой дом

Научное сообщество не трогало семью Фридменов, даже Тобиасу было выделено свободное время. Он проводил его в путешествиях по городу. Парки, развлекательные центры, магазины, неизвестные лаборатории – он словно прощался со всем этим. Да, ученый догадывался, что когда он переместится обратно, то пройдет уже сто лет, а он даже не может и предположить, что произойдет с землей за это время.

Тобиас грустил, ведь он оставлял свой любимый дом, Землю, на попечение глупцам, которые бродят по улицам. По крайней мере, он сам так и думал. Время тянулось так медленно, так чутко Тобиас относился к каждой секунде. Траур, тень – на фоне замечательной погоды. Ветер, который нежно гладит, но этой своей нежностью словно кусает того, кому хочет сделать приятно. Солнце, которое заботливо греет, но своей этой заботой словно стреляет из дробовика прямо в сердце. Запах города, такой знакомый и привычный; автомобили, несущиеся в пустоту; птицы, ищущие пропитание; люди, идущие на работу – как можно прожить без всего этого?

Да, Тобиасу выпал уникальный шанс, но он все равно грустил. Он покидал место, которое так любил, он даже любил всех тех, кого называл глупыми всю свою сознательную жизнь. Солнце дарило ему свой свет, ветер дарил ему свою

прохладу, земля дарила ему основание – так щедро устроен этот мир, но что же его ждет там, где находятся его мечты?

Фридмен редко виделся со своей семьей в эту прощальную неделю. Он знал, что проведет с ними еще целую вечность.

Раздел четвертый: Прощай, солнце

"Одно бывает необходимее другого" Ф. Ницше

Глава I: Прощание

– Одно бывает необходимее другого, – сказал Тобиас, разглядывая расстроившееся лицо своей жены.

Они сидели в машине на передних сиденьях, сзади еле умещались сыновья семейства Фридменов и сварливый старик – Льюис Гранд, который бормотал о детях какие-то гадости, потому что те, видите ли, его толкали. Зеленый автомобиль Александры только собирался отъехать, но его хозяйка, не отрываясь, смотрела на свой любимый замок, в котором она когда-то была королевой. Тобиас же оглядел газон, который также видел, вероятно, в последний раз. Магнус же решил сказать дому на прощание:

– Так много времени здесь пролетело,

Но вот отцу уехать захотелось.

Катился бы он сам в открытый космос,

А я остался бы дома боссом.

Александра же, после длительного молчания, все-таки решилась ответить мужу:

– Так говорил Заратустра.

Тобиас переспросил:

– Кто говорил?

Жена посмотрела на своего супруга с презрением:

– Это из Ницше.

– Ох, да, – воодушевленно произнес ученый, – я в свое время о нем слышал немного.

Александра огорченно сказала:

– Мне будет не хватать нашего дома.

Тобиас ласково обнял жену:

– Послушай, мы наконец-то покидаем эту планету со странными людьми, которые ненавидят друг друга, они – глупые, злые… помнишь, что я рассказывал тебе о моем учителе?

Александра же не очень радушно ответила на подобную реакцию мужа:

– А мне нравились наши соседи, нравились учителя наших детей, они были достаточно умны.

– Умны? Относительно чего? Относительно стен? – Тобиас показал на дерево, стоящее на их участке. – Или относительно вот того дуба?

Жена крикнула:

– Хватит уже унижать людей! Поехали…

Льюис тут же противным голосом сказал:

– Хватит уже ссориться, поехали, а то ваши дети затолкают меня до смерти, морские они крысы.

Тобиас тут же сделал замечание Гранду:

– Старик, хватит ругать моих детей.

Автомобиль сорвался с места и направился в сторону аэропорта.

Город выглядел довольно уныло. Впервые за долгое вре-

мя капельки дождя решились спасти сухую землю и горячий асфальт от болезненного жара. Дождь оккупировал едущую по городу машину. Белое небо равномерно распространяло свой одинокий свет, убивая все тени в округе. Деревья плакали от радости, а дождь все усиливался и усиливался.

Александра любовалась всем этим действом, а город продолжал двигаться. Автомобили, люди с огромными и маленькими зонтами, дети, которые просто радовались так давно не посещавшему город дождю, — вот она, цивилизация, где обитает огромное количество личностей. Они, эти личности, столь многообразны, столь значительны, столь важны. Александра не хотела покидать человечество, но она надеялась, что, когда они вернутся, мир не изменится.

Тобиас же любовался природой, которая обильно заполоняла просторы города. Все, что связано с людьми: автомобили, люди с большими и маленькими зонтами, дети – муравейник, переполненный насекомыми-переростками. Презрительный взгляд ученого никогда не получал удовольствие от подобных картин, поэтому он старался не смотреть на людей, если это не было необходимо. Он, конечно, любил людей, но любил их так, как братьев наших меньших. Ученый радовался тому, что покинет эту планету.

– Куда мы полетим на самолете? – спросил Лукас.

– Байконур, – ответил Тобиас.

– Почему именно туда? – переспросил его старший сын.

– Там находится самый лучший из современных космо-

дромов, если ты не знал. Поднять махину вроде Омеги – это задача непростая, а для этого нужно применять самые качественные средства, ты так не думаешь?

– Да, папа, точно, – поддержал отца Лукас.

Льюис нетерпимо расталкивал детей, пытаясь завоевать себе как можно больше места на заднем сиденье. Все его внимание было обращено именно на то, что ему же было неудобно сидеть. На самом деле он не управлял собой, а делал то, что подсказывала старику интуиция, а то есть он ругался со своими соседями по месту. Александра и Тобиас уже даже не обращали внимания на сварливого капитана, который терроризировал их детей. Лукас вполне спокойно реагировал на наглость старика, а вот Магнус постоянно пытался унизить старика и делал это, используя рифму. Поскольку младший сын ученого говорил только глупости, мне кажется, что их озвучивать – излишне.

Александра сидела и смотрела в окно, пока муж вел машину. Небо, будто провожая их, в очередной раз плакало. Женщина не отрывала свой взгляд от людей и домов, изумляясь тому, чего она больше не увидит.

Зеленый автомобиль мчался вперед, а тем временем Илья Иванов, тот самый, который решился покинуть своих родителей, уже ожидал семейство Фридменов в аэропорту. Он, как обычно, не вылезал из ноутбука. Что же он делал? Подготавливал тринадцатый вариант актуальности к своей грядущей работе, коих он уже придумал в своей голове уже бо-

лее ста штук. На самом деле все тринадцать актуальностей отличались друг от друга лишь порядком слов. Приехал паренек намного раньше, чем следовало бы, поэтому он сидел на своем багаже около входа. А время тянуло его за собой, оно пожирало его. Он не мог ничего сделать, он переписывал актуальность раз за разом, думая, что когда Тобиас приедет, то поможет ему справиться с непосильной задачей.

Глава II: Взлетая в небеса и падая на землю

Зеленый автомобиль словно появился из пустоты, Илья сразу же узнал машину жены Тобиаса, на которой она иногда довозила своего мужа. Автомобиль помчался к парковке, а парень побежал за авто, еле-еле загрузив себе на плечи весь свой багаж, коего у него было не так уж и много.

Зеленое средство передвижения, а точнее его водитель – замечательнейший ученый, выбрало место для остановки на парковке и остановилось там. Иванов уже почти добежал до того самого места. Александра вышла из машины первая, за ней вышел Тобиас – они принялись разбирать свои вещи.

Тут же к ученому подбежал Илья и сразу же, поклонившись чуть-чуть, поздоровался:

– Здравствуйте, мистер Тобиас! Я так рад! Такая большая честь лететь с вами в космос, вы даже себе не представляете!

Тобиас холодно ответил:

– Здравствуй, для меня тоже.

– А вы знаете, что я уже подготавливаю докторскую диссертацию, я написал сорок вариантов актуальностей, вы ведь поможете мне выбрать нужную? Я же так старался! Мне так нравится эта работа!

– Но ты ведь еще даже не был там, куда мы отправляемся. О какой актуальности может идти речь, если у тебя еще нет темы? – холодно ответил Тобиас, разбирая вещи.

Из машины вдруг выбрался Льюис Гранд, растолкав детишек, Магнус же крикнул ему за подобную грубость:

– Эй, старый, гнусный и вонючий капитан,

Сейчас получишь ты пинка!

Старик же, не обратив внимания на шалости мальца, обратился к Тобиасу:

– Эй, Фридмен, давай, поторапливайся, а то мы совсем уже опаздываем.

Ученый ответил капитану:

– Этот самолет нас подождет. Если что, Иван позвонит в министерство, а там нам закажут другой самолет.

Илья тут же среагировал:

– Меня зовут Илья.

Тобиас, нисколько не покраснев, добавил:

– Илья позвонит.

Через некоторое время семейство Фридменов уже находилось в самолете.

Крылатая громадина начала взлетать. Её крылья ловили воздух, а Льюис, который уже множество раз летал на самолетах, удивлялся красоте взлета, будто поднимался в воздух впервые. За окном линия горизонта медленно опускалась вниз, а через некоторое время стала совсем не видна. Льюис посмотрел на землю, а та так же неспешно удалялась;

здания, дороги, машины – все это становилось маленьким, а после микроскопическим, а после и вовсе исчезало, будто ничего этого никогда не было. И вот она – географическая карта! На ней не было ничего лишнего, только то, что должно было быть. Никаких подписей, никаких границ! Вот он! Мир без границ! Мир с высоты птичьего полета! Льюису очень нравился этот вид, а вот Магнус вжался в сиденье и трусливо дрожал. Он боялся высоты.

Тобиас читал книжку, а Александра перелистывала страницы какого-то модного журнала для домохозяек. Они не разговаривали друг с другом, а вот Илья сидел рядом с Льюисом, от которого сильно воняло. Старик постоянно толкал своего соседа, когда по салону проходила стюардесса, чтобы сказать одну из своих пошленьких шуточек, которые слышали все, включая ту самую стюардессу, которая, собственно, усердно терпела присутствие этого пожилого грубияна и извращенца.

Огромная белая сорока несла людей на территорию бывшего Казахстана, где их ожидали «Омега» и сотни ученых.

Лукас достал листок бумаги, чтобы набросать пару строчек:

Летящий поезд меня уносит,
Куда уносит? Я сам не знаю.
Куда же поезд меня забросит?
Летучий поезд, что в океане
Небес, акулой стремится к цели.

Куда ведут эти все скитания?

И было ли это на самом деле?

Вдруг Лукас прервался и шепотом сказал:

– Черт, в последней строчке сбился ритм…

И тут же Магнус обратил внимание на то, что писал его брат, он выхватил у него листочек, а после, отстранившись, начал читать. Лукас пытался отобрать свою собственность, но его младший брат находился в более выгодном положении. После того как стих был прочитан, Магнус издевающимся голосом сказал:

– А я ведь считал тебя математиком и физиком, а ты гуманитарий, и что насчет того, что ты называл их гербариями?

– Эм, ну, понимаешь, мне просто…

Вдруг Магнус закричал на весь самолет:

– Папа, Лукас пишет стихи!

Вдруг Тобиас Фридмен повернулся и посмотрел на своих сыновей самым убивающим взглядом, которым только мог посмотреть на них отец. Дети остолбенели, словно посмотрев в глаза василиску или Медузе, но не морской медузе, а Медузе Горгоне. Тобиас отстегнулся и подошел к детям, он отобрал у Магнуса листок со стихами, а после сжал их в кулаке и бросил на пол, рядом с Лукасом.

– Мой сын никогда не станет жалким гуманитарием! – с ненавистью прокричал отец.

Сразу же к нему побежали стюардессы и попросили его вернуться на свое место. У Тобиаса не было выбора. Льюис

засмеялся:

– Ахах, твой сын – гуманитарий, а ты их так ненавидишь.

Ученый сдержался, чтобы не ударить лучшего в мире пилота. Он понимал, что старик может просто взять и отказаться от необходимой работы, поэтому его придется терпеть и дальше.

На этот раз тишина в самолете означала не просто мирную тишину, а именно раскрывала сущность напряжения. Ах, этот мир – в нем даже тишина бывает разной. Только старый капитан веселился, показывая пальцем на стюардессу и пытаясь с ней заигрывать. Однако остальных данная тишина поедала изнутри. Тобиас был в ярости, он чуть ли не трясся. Стихи и гуманитарии – это все обман – так думал он. Александра же волновалась за Лукаса, который сидел и плакал, в то время как Магнус, чувствуя свою вину, пытался успокоить брата.

Глава III: Байконур

После глобализации город Байконур вместе с ракетным центром перешел полностью в лапы науки. Они обстроили город и держали в нем персонал уже на протяжении пятидесяти лет. За последние годы именно этот космодром стал лучшим из лучших. Китайский и американский космодромы отошли на второй план, поскольку ученые очень качественно взялись за обработку города и космодрома.

Город Байконур превратился в элитную деревушку для рабочих, где были построены хорошо укрепленные дома, напоминающие нечто похожее на бункеры. Также везде были посажены деревья, делая это место потрясающе красивым.

Сам же космодром разросся довольно существенно в сравнении с тем, что было при СССР и СНГ. Все мировые ученые, которые хоть каким-то боком имели связь с космосом, частенько находили здесь свой приют.

Кстати, в городе был открыт самый большой университет космонавтики, он являлся и самым лучшим по совместительству.

Самолет же уже приземлялся, а в это время, где-то в салоне, возник очередной конфликт. Илья не хотел меняться местами с Льюисом, которого приспичило посмотреть в окошко. Кем только не был назван юный ученый: и очкастой кры-

сой, и ботаником, и речным раком, а также он называл его еще и безмозглой каракатицей, и морским четырехглазым чертом, и даже выделениями моллюска. В итоге Льюис все же добился своего, и Илья уступил ему место, поскольку старик обещал побить его, если парень не уступит.

Александра тем временем разговаривала с мужем, который был очень зол на своего сына.

– Ну, дорогой, хватит, – нежным голосом протянула она, словно напевая жалобную песню, – писать стихи – это не плохо, а очень даже хорошо. Оказывается, у нашего сына есть еще один талант.

Тобиас грубо ответил:

– Зато от этого таланта нет никакой пользы. Все эти писатели, поэты, философы – они издеваются над словами, чтобы обмануть людей. А мой сын! Мой сын! Как он мог воспитаться обманщиком? Я учил его быть полезным обществу, учил изобретать полезные вещи для людей, а он решил пойти по пути словоблудия! Нет, такому не бывать!

Жена нежно продолжила говорить, гладя плечо своего мужа:

– Ну, дорогой, не нужно так резко отзываться о поэтах и писателях, многие из них были очень даже умны и поле…

И не успела она даже сказать слово «полезны», как Тобиас снова начал бушевать:

– Полезны? Каким это образом они оказываются полезными? Они пишут чушь, а люди их слушают! Я рад, что

мы, ученые, почти побороли глупость гуманитарного цикла наук, изничтожив все серьезное отношение к нему! Ты не понимаешь? Ладно, объясню! Вот смотри, читал я однажды беллетристику, а что там? Там меня пытались убедить в том, что все люди хорошие, но это же не так! Читал я другую книгу, где рассказывалось о каком-то алхимике, и знаешь что? Там автор обозвал науки «скучными»! Да кто он такой, этот необразованный человек, который посмел оскалить свои кривые зубы в сторону науки!? А что я еще читал? Читал какую-то книгу про драконов и карликов с волосатыми ногами, а что там? Какая-то бессмысленная фантастика!

Александра тут не сдержалась:

– Знаешь что? Я же знала, что ты – глупый и необразованный человек. Ты не способен ни читать книги, ни анализировать их. Ты не понимаешь просто потому, что не способен понимать. Ты не хочешь понимать, поэтому закрываешь глаза на очевидные вещи!

Тобиас с ненавистью посмотрел на свою супругу, но так ничего сказать и не смог, словно у него в горле застряли крошки от печенья. Он кашлянул пару раз, а потом одиноко уставился в пол.

Александра же обиженно отвернулась от своего мужа. Она не хотела плакать, но хотела убивать. Её руки тряслись от неприязни. Она не хотела, чтобы её муж ссорился с сыном, но также не хотела и того, чтобы Тобиас издевался над ним.

Лукас слышал, что его родители поссорились, и еще сильнее расстроился, а Льюис очень противно ухмыльнулся. Старика очень радовали чужие ссоры. Годы одиночества не проходят даром.

Тем временем самолет уже зашел на посадку, а через несколько минут уже полностью остановился. Всех пассажиров проводили в специальную комнату, где за круглым столом сидело огромное количество ученых. Тобиас молча занял единственное оставшееся свободное место за столом, а остальных его спутников посадили на кресла. На одном из кресел уже сидел Томас Ирвин Грин, который добрался до Байконура на частном самолете, нанятом его отцом.

За круглым столом проходило последнее обсуждение всех деталей полета, пусть Тобиас их все уже знал наизусть.

– Вы летите на край вселенной, в то место, которое все теоретики предполагают крайней частью нашего мира, либо вы летите в самую далекую часть самой далекой галактики. На корабле установлены специальные приборы, которые позволят определить, есть ли что-то за данной границей. Теоретически предполагается, что эта граница существует, но она не имеет четкого выражения, а главное, постоянно расширяется. Нас, как вы знаете, мистер Фридмен, интересуют данные такого типа: изучение галактик со стороны одного края вселенной, на котором вы будете находиться; также следует узнать, можно ли пробраться за край вселенной; если возможно, то нас также интересует вопрос, есть ли в мире еще

вселенные? На корабле установлены лучшие датчики, которые, вероятно, могли бы разрешить большинство из этих вопросов.

Далее последовало выяснение многих вопросов, которые обычным людям были недоступны. Но в конце главный глашатай объявил:

– С вами полетит Томас Ирвин Грин, отец которого оплатил двадцать процентов затрат на реализацию данного проекта.

Тобиас вдруг встал и ударил по столу:

– Только через мой труп, на корабле должны находиться только высокоспециализированные специалисты и никаких космических туристов!

Один из ученых ответил своему коллеге:

– Не забывайте, мистер Фридмен, что вы берете с собой всю вашу семью, несмотря на то, что никто из них не является специалистом.

Тобиас покраснел от злости, но ему пришлось проглотить это, и тут же с кресла поднялся Томас, который, подойдя к столу и положив руку на плечо Фридмена, сказал хитрым и неприятным голосом:

– Так-то, теперь я лечу с вами. И лечу не только я, но и часть моей прислуги, поскольку без них мне там делать нечего.

Эти слова совсем уж разозлили Тобиаса, он, словно отбиваясь от удара, смахнул руку богача со своего плеча, а после

встал, снова ударив по столу, но только уже кулаками:

– Что это за чертовщина здесь творится? Почему? Я не понимаю?

Вдруг перед Тобиасом появилась большая пачка денег, это Томас кинул её, чтобы тот замолчал, но Фридмен не растерялся, через секунду вся эта бумага полетела в лицо к своему обладателю.

– Вы издеваетесь? Он вам всем приплатил? Черт возьми.

После этих слов ученый покинул совет и направился туда, куда глаза глядят. Через несколько часов он оказался у монумента, посвященного «Науке». Стела «Наука-космос» – замечательнейший памятник, отражающий прошлое этих земель, да и всего Советского Союза в целом. Воздвигнута она была в честь встречи «Союза» с «Аполлоном». На стеле стояла не живая женщина с живым лицом. Но это живое лицо было не счастливо-живым, а серьезным, монументальным, тектоническим, как плиты земной коры. Праздник силы в её глазах, праздник уверенности, а в руках земной шар, напоминающий арбуз. Именно поэтому многие рабочие называют её «дамой с арбузом». Она и земной шар с описанной вокруг орбитой спутника возвышались над всем смертным и тленным, представая в образе новой богини. Эта богиня была очень серьезной, разумной, сильной. Вот он, образ нетленной науки, предстающий в материальном своем воплощении строгой и серьезной женщины, которая пришла воспитывать своих детей. Её платье не оголяло ног, но тяну-

лось даже чуть ниже её ступней.

Тобиас снизу вверх смотрел ей в глаза, вокруг ходили люди, а он стоял и смотрел. После очень тихо, почти про себя, начал говорить с ней:

– Послушай, статуя, я не знаю, кто ты и что означаешь, но я ощущаю в тебе мою силу, словно её построили близкие мне люди. Знаешь, современные ученые совсем измельчали. Вроде и так у них денег навалом, а они хотят все больше и больше. Они забыли, что такое научная честь. Они забыли, что значит держать целый глобус в своих руках, как это делаешь ты, с серьезным видом. А они? Они что? Они празднуют. Они потеряли ту самую научную серьезность, которая должна быть присуща всем ученым. Они говорят с серьезным видом, но в их душе золотой телец. Наука становится игрой, но разве так должно быть? Разве достойно продавать нечто священное, дорогое, единственно серьезное? Ответь мне, статуя.

Сказав все это, Тобиас направился обратно. Он выговорился и уже успокоился, поэтому мог держаться своего пути дальше. Ученых уже не было за круглым столом, но зато вся его семья сидела неподвижно. Томас тоже ушел. Илья встал и подошел к своему кумиру:

– Мистер Фридмен, я знаю, что они не правы.

– Спасибо, Иван, – сказал Тобиас, похлопав Илью по плечу.

Александра подошла к мужу и обняла его:

– Я думала, что ты ушел и не вернешься. Без тебя никто из нас им не нужен.

– Куда нам нужно идти? – спросил ученый.

Льюис Гранд ответил:

– Я думаю, что нужно разойтись по своим комнатам, поскольку запуск будет только завтра, меня уже проинструктировали эти морские медузы.

– Где комнаты? – спросил Фридмен-старший.

– Не имею понятия, – пробормотал старый капитан.

Однако через некоторое время в зал зашел человек, который проводил всех до специального частного автобуса. Всю семью и их спутников доставили в отель, где каждой паре выдали по комнате. К сожалению, Илья опять попал в одну компанию с Льюисом, дети были вместе, как, собственно, и муж с женой.

Все легли спать, но для Ильи эта бессонная ночь под симфонию храпа Льюиса останется незабываемой. Несмотря на все раздоры, Александра и Тобиас нежно поцеловали друг друга перед сном. На этом день и закончился.

Глава IV: Добро пожаловать на борт, господа

Утро. Ночь уходила, уступая свое место свету; тень падала под атаками солнца. Сухой ветер своими легкими дуновениями перемещал песок, который от прихоти своего хозяина, подобно волнам, то опускался, то вновь взлетал вверх. Солнечные лучи жестоко пробивались сквозь облака, разрубая их на части.

Тобиас не спал всю ночь, он был слишком взволнован. К нему стали закрадываться мысли о грядущей гибели, одна неудача — и вся его семья умрет. За мечту приходится платить спокойствием. Когда темнота ушла и в окно хлынули волны утреннего света, ученый встал с кровати и пошел в ванную комнату.

Он посмотрелся в зеркало, где увидел плохо побритого полусонного простолюдина с красными глазами. Его веки смыкались, но Фридмен поборол себя, включив воду и хорошенько умывшись.

Александра же спала беспробудным сном, ведь свет никак не мог подействовать на бастион её век, потому что она полностью скрылась под одеялом.

Илья, как вы помните, выспался так же плохо, как и Тоби-

ас, поскольку храп Льюиса выдержать не удавалось еще никому. Парень думал, что он счастливчик, раз до сих пор не оглох.

Дети, однако, проснулись очень рано, как и их отец, ведь они были не меньше его взволнованы предстоящим полетом. К счастью, они смогли выспаться.

Через несколько часов проснулись и лежебоки. Александра, открыв глаза, не заметила мужа в кровати, но после увидела его стоящим на балконе. Женщина оделась и пошла к Тобиасу. Тот любовался городом.

– Доброе утро, дорогой, – нежно сказала возлюбленная ученого.

– Доброе утро, любимая, – нежно ответил он своей жене.

– Скоро мы полетим, – сказала она.

– Совсем-совсем скоро, – грустно ответил он.

– Почему ты так печалишься, ведь твоя мечта скоро сбудется?

– Знаешь, любимая, в мире у людей есть цели, мечты и желания, они тратят целую жизнь на то, чтобы эти мечты исполнились, но когда они так близки к исполнению, иногда хочется просто взять и остановиться, потому что чувствуешь, что после путь будет закончен.

Александра улыбнулась:

– А ты говоришь под стать какому-нибудь беллетристу, дорогой.

– Не злись, я просто не люблю гуманитариев, которые сво-

им словам уделяют намного больше, чем делам. Не хочу, чтобы наш сын был таким.

– Но порой слова бывают намного значительнее любых дел, порой идеи – это все, что заставляет дела появляться на свет, как думаешь?

– Я думаю, что это чушь.

– Ты всегда так говоришь о том, чего не понимаешь.

– Знаю.

Комнату пронзила тишина. После этого молчания Александра спросила:

– Но мы ведь скоро полетим, я думаю, что нам нужно радоваться, а не грустить. Кстати, ты побрился?

– Да.

– Ну, тогда советую тебе не раскисать.

– Хорошо, любимая.

Тем временем и Льюис Гранд проснулся, умывшись и одевшись, он решил поговорить с Ильей. Для этого он подошел к нему и сказал:

– Эй, сухопутный пес, присаживайся, давай поболтаем.

Парень нехотя послушался, а старик начал разговор:

– Что ты будешь делать на корабле?

– Вы говорите про Омегу? Это не корабль, а космический аппарат…

– Я капитан этой посудины, поэтому я могу называть его хоть баржей, хоть фрегатом, хоть плотом, понимаешь, мальчик? Так кем будешь ты на моем корабле?

Илья, кстати, только сейчас узнал, что этот старый и невоспитанный человек станет капитаном самого лучшего средства передвижения, созданного человеком когда-либо.

– Я вхожу в совет ученых, которые летят с нами, – ответил он, поставив ноутбук на колени.

– Ахах, такой сухопутный крыс может входить в научный совет? – сказал старик и засмеялся.

Илья не стерпел этого и ответил:

– А разве такой неотесанный и необразованный чурбан может быть капитаном?

После сказанного Ильей началась потасовка; описывать её не имеет смысла.

В это же время Лукас и Магнус разговаривали друг с другом, притом младший брат начал этот разговор:

– Слушай, брат, мы ведь больше не увидим наших друзей?

– Ты не рифмуешь больше?

– Нет, это не имеет смысла здесь.

– Ты прав. И да, мы никогда не увидим наших друзей.

– Но мы ведь вернемся?

– Ты забыл? По теории Эйнштейна все, что ускоряется, замедляет для себя время, а в этот самый момент все остальное движется с прежней скоростью. Если ты не знал, то для того, чтобы Омега переместился, ему нужно набрать скорость. Точно не помню того, как это делается и как перемещается корабль, точнее, это слишком сложная для меня информация, но это происходит через ускорение, поэтому мы потра-

тим намного больше времени, хотя нам покажется, что прошли секунды. Техника перемещения в пространстве очень сложна. Происходят микроускорения на каждом этапе движения. Помимо этого, если я не ошибаюсь, каким-то образом используется движение самой вселенной.

– Ты серьезно? А почему мы не вернемся?

Лукас взялся за голову, но потом продолжил:

– Мы вернемся, но вернемся в совсем другой мир.

– Почему?

– Ох, ты такой…

– Глупый?

– Да.

– Прости, брат.

Через несколько часов все вернулись на космодром. Льюиса Гранда увели сразу же, чтобы подготовить его к запуску Омеги. Руки Тобиаса невольно тряслись. Вдруг ко всей этой компании подошел Илья, которого, кстати, там до этого не было. Под его глазом красовался очень симпатичный синяк.

– Здравствуйте, мистер Фридмен, здравствуйте, миссис Фридмен, – сказал он, кланяясь.

– О, Иван, здравствуй, – произнес Тобиас.

Жена, кивнув пришедшему, недовольно обратилась к мужу:

– Что за чертовщина? Ты же знаешь, что его зовут Илья, а не Иван!

И тут мистеру Фридмену пришлось ответить:

– Да, дорогая? Разве?

После он повернулся к своему поклоннику, чтобы извиниться:

– Простите меня, Илья, я ведь так часто, видимо, вас обижал.

Поскольку все это было сказано с издевкой, Александра дала своему мужу подзатыльник.

Через некоторое время ученые устроили последний совет перед тем, как «Омега девятьсот семьдесят один» взлетит и скроется в небесах. Собственно, ничего нового Тобиас там не услышал.

Через час всю семью с группой ученых отвели в зону запуска, где стоял этот летающий Бог. Огромный, потрясающий, черный – его элегантные формы могли свести с ума. Поверхность Омеги впитывала солнечный свет, словно пожирая его. Король всех средств передвижения, лучшее творение, которое человек только мог себе позволить. Безусловно, каждый видел этого титана по-своему, но он и правда имел нечто величественное в своей натуре, он словно олицетворял в себе целую стихию, стихию технологий, которая развернулась на просторах нашей планеты. И если любые действия вызывают противодействия, то природная попытка сдержать человека на этой планете, в этой солнечной системе, в этой галактике вызвала именно этого металлического демона, который рассекал пространство и время при помощи гениальности человеческого разума.

Вокруг Омеги бегали рабочие; они должны были довести косметические работы, которые были, собственно, необязательными.

Александра была ошеломлена таким чудовищем, которое своей тотальностью поражало воображение. Лукас, конечно, следил в интернете за изображениями данного аппарата, но вблизи этот синтез металла и гениальности просто разбивал все надежды, превосходя их настолько, что даже сравнивать те картинки и реальность не было никакого смысла. Магнус был не менее поражен, чем все остальные. Только Тобиас стоял спокойно, не проявляя никаких эмоций. Где-то внутри он понимал, что Омега – шедевр науки, но будущее пугало его, поскольку вместе с этим титаном может закончиться и жизнь ученого, а также всех его близких. Один просчет, одно неправильное движение – и все мертвы. Он совсем недавно начал думать об этом, ведь ранее он так сильно идеализировал способности человеческого разума, что даже не понимал того, что любая недоработка может оказаться фатальной. Во многом такие мысли терзали его последние несколько дней, но с сегодняшнего утра они усиливались все сильнее и сильнее, пока не достигли своей кульминации. Но что сделано, то сделано. Жену уже не переубедить. Однако Тобиас рассчитывал на то, что все пройдет удачно, ведь на борту будет он и Льюис.

Через несколько минут всю семью завели на борт корабля. Как ни странно, но изнутри коридоры напоминали кори-

доры отеля, притом не самого дешевого. На стенах висели картины, которые, видимо, были прикреплены намертво. На каждой картине были изображены либо ракеты, либо портреты известных ученых. Стены были белого цвета. Над каждой дверью располагалась надпись с именами и фамилиями владельцев каждой комнаты или назначением этой комнаты.

Все разошлись по своим новым жилищам. Как ни странно, комната Александры и Тобиаса чем-то напоминала их дом, из которого они недавно уехали. Даже мебель была расставлена так же, как и у Фридменов. Александра была в восторге, дети тоже радовались.

Тобиаса, однако, отвели в рубку капитана, где уже стоял Льюис в капитанской одежде. На нем были синие брюки, синий китель и фуражка аналогичного цвета. На последней красовался рисунок круглого ядра атома, вокруг которого кружились электроны. На его лице поселилось счастье. Тобиас, наверное, только тогда видел в его глазах такой порыв радости, когда старик безжалостно отчитывал Лукаса за то, что мальчик нечаянно наступил капитану на ногу в коридоре.

– Ах, морские черти, ты посмотри, какой костюмчик мне тут выдали! – воскликнул капитан.

Тобиас подошел к старику и весело проговорил:

– Хм, правда, одежда настоящего капитана.

– Эй, медузы поганые! Готовимся к отлету! Проверяем всю аппаратуру.

После этих слов старик сел за штурвал. Он нежно прикоснулся к нему, а потом громко спросил:

– А когда мы вылетаем?

Один из управляющих кораблем ответил:

– Через три часа, сэр!

– Три часа? Три часа! – воскликнул Льюис. – Как это, три часа? Вы, морские черепахи? Зачем мы здесь тогда так рано?

Тот же человек ответил:

– Нам нужно подготовиться к отлету, сэр.

– Отлету? А я вам зачем тогда? Чтобы три часа стоять здесь?

– Сэр, вы должны проверить оборудование, штурвал и так далее, по инструкции.

Тобиас решился покинуть это помещение и направился в свою комнату, где его уже ожидала Александра.

– Тобиас, у детей своя комната, у нас своя, здесь очень мило. Мне нравится. Честно!

Тобиас искренне и тепло улыбнулся, а после подошел и обнял свою жену.

– Я тебя люблю. Прости, что мне сразу не пришла в голову идея взять вас с собой. Любимые нужны для того, чтобы делить с ними свою мечту.

Жена в ответ обняла мужа, через несколько секунд ответив:

– Разве только для этого они нужны?

Фридмен, недолго размышляя, ответил:

– Нет, не только для этого. Они нужны, чтобы успокоить, когда тебе тяжело, чтобы…

Александра неожиданно прервала его:

– А ты говорил, что не любишь романы, а сам сейчас говоришь чуть ли не фразами из какого-нибудь сопливого любовного романа. В тебе же живет душа поэта, а ты пытаешься задушить её своей педантичностью.

– Что ты говоришь, любимая?

Тобиас перестал обнимать жену, он некоторое время смотрел на нее, а потом, ничего не сказав, вышел из комнаты. А в это время Лукас объяснял Магнусу основы стихосложения:

– Хорей характеризуется тем, что из двух слогов ударение у него падает на первый, а у ямба — на второй.

– Эй, братан, я не понимаю этого. Слоги, ударение. У меня все куда проще.

– Так ты же хотел научиться писать стихи?

– Хотел бы, я же видел, как батя бесится. Так бы я смог разозлить его еще сильнее.

– Что я делаю? – спросил сам себя старший брат.

Льюис Гранд же сидел в гордом молчании, делая вид, что проверяет штурвал и компьютерную систему. Он ведь знал, что до него все было проверено двести раз. Однако иногда ему приходило в голову крикнуть нечто похожее на «Эй, морские крысы, работайте интенсивнее, или вы хотите, чтобы это судно потонуло в пучине космоса?»

Фридмен-старший же прогуливался по кораблю. Сначала он обошел первый этаж. Как ни странно, там был кинотеатр, столовая, множество комнат, предназначенных для проживания персонала. Над каждой дверью были написаны фамилии проживающих и номера комнат.

Тобиас решил зайти в столовую, но там пока никто не ел, но зато было видно, как повара за стойками усиленно готовили еду. После ученый направился в кинотеатр. Там было темно, он даже не смог разглядеть размер экрана. Вдруг к нему сзади подошел Томас Ирвин Грин и дотронулся до плеча Фридмена своей ладонью, тот вздрогнул, а потом медленно повернулся.

– Привет, Тобиас. Что ты тут делаешь?

– Почему здесь кинотеатр? Его же не было в первоначальных планах!

– Это моя инициатива. Я решил, что мне будет скучно всегда смотреть на звезды, поэтому мой отец заплатил за то, чтобы здесь установили кинотеатр.

– Но это же нерационально.

– Еще как рационально. Каждый сможет смотреть кино.

Тобиас опять разозлился:

– Ты знаешь, сколько энергии будет тратить этот кинотеатр?

– Разве у такого мощного корабля так мало энергии, чтобы не суметь обеспечивать электричеством еще и мой кинотеатр?

Тобиас молча ушел, поскольку ему было незачем спорить с этим человеком. Он поднялся на второй этаж, где отыскал библиотеку. Там было множество научных книг и ни одной художественной. Фридмен попал в рай. Нет, не подумайте, он не умер, но испытал невероятное блаженство. Побродив час по этому помещению и полистав книжки, ученый отправился дальше.

Рядом с библиотекой находился совет ученых всего корабля. Тобиас, конечно же, решил зайти туда. Опять круглый стол, за которым сидели люди в белых халатах. Кстати, Илья Иванов также сидел здесь, сделав ироничный серьезный вид. Хотя сам парень думал, что он столь же серьезен, как и все остальные сидящие. Но в глазах Фридмена это выглядело довольно-таки смешно, но Тобиас сел именно рядом с ним, шепотом спросив:

– Иван, вы уже тут что-то обсуждали?

Илья уже перестал обращать внимание на то, что его кумир постоянно путает его имя, и, даже ни на секунду не показав расстройство, спокойно ответил:

– Да, мы обсуждали перед отлетом то, что, вероятно, нас может ожидать в открытом космосе, на территории, где еще никогда не было людей.

– И какие выводы были сделаны?

Илья продолжил говорить полушепотом:

– Гипотетически предполагается, что на краю вселенной мы столкнемся с убегающим от нас краем вселенной, за ко-

торый следовало бы заглянуть.

– Мы же это давно уже предполагали?

– Да, но вы же знаете, как важно постоянно обсуждать одно и то же. Так мы лучше это понимаем.

– Может быть.

Вдруг один из ученых закричал на весь зал:

– Взлет ровно через час! Готовьтесь. Займите свои места в своих комнатах!

Когда все ученые покинули зал, в нем остались только Илья и Тобиас, которые, кстати, также уже выходили.

– Мистер Фридмен, вам не кажется, что это путешествие может быть опасным?

– Ты веришь в силу науки?

– Да, я верю в нее.

– Скажи мне, когда предсказательная сила науки не срабатывала?

– Я не могу точно сказать.

– А я тебе скажу, что почти в ста процентах случаев наука предсказывает все верно.

– Вы правы. Я тоже это знаю.

– Благодаря науке мы летим туда, куда летим.

– Вы правы.

Они пошли дальше по коридору, когда выбрались из зала. Тобиас, однако, не мог никак уничтожить свои мысли о неудаче, которая может скоро наступить, если хоть что-то сделано неправильно. Он рискует всем.

Глава V: Побеждая все высоты

Тобиас вернулся в комнату к жене. Она лежала на кровати и читала очередной глупый журнал, который ученый ненавидел.

– Здравствуй, мы скоро взлетаем.

Александра сразу же стремительно встала с кровати и спросила:

– Где кресла, к которым нужно пристегиваться?

Тобиас с улыбкой ответил:

– Кресла не нужны. Все жилые конструкции, вроде комнат и капитанской рубки, содержат в себе механизм смягчения быстрого ускорения или он еще в народе называется СБУ. Так вот, вся эта комната является подвижной, причем движется она в специально выбранном направлении, по той схеме, которая позволяет максимально уменьшать ощущение ускорения всей системы нашего космического аппарата в целом. Комнаты движутся определенным образом при каждой стадии ускорения, что позволяет им смягчать наши ощущения. Будет лишь немного трясти, но с кроватей нас не скинет и к стене не прибьет. Сейчас все коридоры сканируются на наличие в них чего-либо живого.

– Это очень хорошо.

– Да, недурно, я бы сказал.

Льюис Гранд тем временем уже запустил отсчет секундомера. Оставалось тридцать минут. Все люди, которые были внутри корабля, с трепетом ожидали старта. Всё снаружи забурлило движением. Машины вывозили людей с места старта. Кто-то увозил все ненужное, а некоторые автобусы отдалялись вместе с людьми. Весь Байконур готовился к этому грандиозному запуску самого грандиозного летающего аппарата.

Илья вжался в кресло, ожидая скорого взлета. Он боялся. Очень боялся. На земле остались его родители, и только его лучший друг, ноутбук, был рядом. Лукас же по-прежнему объяснял брату основы стихосложения, но тот не мог никак сосредоточиться, ведь у Магнуса все тело будто бы звало его подвигаться, побегать, поиздеваться над старшим братом. Томас Грин развлекался в своей комнате с проститутками, которых он нанял на все время перелета. Повезло ему, что Тобиас не знал об этом.

Тем временем часы неумолимо приближали судьбоносный для всего человечества момент. Двадцать пять минут, двадцать, пятнадцать, десять, пять… и вот она, последняя минута.

Руки Льюиса тряслись от радости, он предвкушал момент, когда они покинут эту планету. Каждое мгновение длилось, словно целый век. Когда оставалось пятьдесят секунд, капитан заорал:

– Расправить паруса! Поднять якорь!

Десятки вопрошающих взглядов сразу же упали на его голову. Старик сразу же исправился:

– Я имел в виду, приступаем к завершительной стадии подготовки корабля к взлету!

Осталось десять секунд. Во всех комнатах на экранах появился счетчик. Все застыли в своих комнатах, и даже Томас, который был увлечен женскими ласками, приостановил свое интереснейшее занятие. Дети прервали свою беседу, а Тобиас и Александра сели на кровать и взялись за руки.

Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре… все люди в этот момент объединились в своем едином чувстве. Те, кто были на борту корабля, словно душами слились с теми, кто находился за его пределами. Атмосфера накалилась. Льюису требовалось нажать на кнопку запуска дрожащими руками. Он медленно поднес руку к той самой кнопке. Три, два, один. Одно касание — и двигатели начали выплевывать пламя, словно драконы. Омега поднялся над землей и завис на месте. У него не было никаких наружных топливных баков, он просто напоминал самолет, который смог подняться на высоту нескольких километров. После недолгой остановки в воздухе Льюис заставил свой «корабль» лететь в горизонтальной плоскости, чтобы приобрести ускорение параллельно земле, а потом, используя его, вылететь за пределы атмосферы.

Всех пассажиров сильно трясло, будто бы они ехали в поезде, а перед глазами Льюиса через некоторое время появил-

ся космос. Сквозь облака и атмосферу Омега вырвался, подобно непобедимому и свободному дракону, разрывающему цепи, наложенные на него людьми. Чудовище на свободе. Просторы космоса открыты для него. Само воплощение человечества в одном куске металла уже достаточно далеко удалилось от Земли.

Перед Льюисом нарисовалась картина, состоящая из горящих точек, справа находилось Солнце, а слева — Луна. А впереди бескрайние просторы космоса.

Глава VI: Человек и космос

Тобиас вышел из своей комнаты и направился к капитанскому мостику. Александра же принялась за чтение романа, написанного в начале двадцать первого века одним очень популярным автором. Страница за страницей перелистывались почти мгновенно.

Тем временем Лукас писал новый стих, а Магнус следил за тем, как его брат пишет, и пытался тоже кое-что написать.

Томас, собственно, лишь ненадолго прервался во время взлета, а после продолжил свое черное дело.

Илья Иванов сидел за ноутбуком, переписывая свои докторские работы. Он правил их десятки раз, пытаясь выявить идеальный вариант, но у него ничего не получалось.

Тобиас добрался до капитанского мостика. Льюис Гранд сидел за штурвалом. Ученый подошел к нему и сказал:

– Координаты у вас уже есть?

Льюис ответил:

– Конечно, они есть, степной пес. Как же иначе?

– Льюис, почему вы себе позволяете такие неблагозвучные выражения?

– Тобиас, прекращай говорить таким тоном, будто бы я сделал что-то плохое, морская черепаха. Просто введи в компьютер все нужные параметры для работы вневременных

двигателей.

– Хорошо, сейчас.

Тобиас приступил к вводу всех нужных параметров на компьютере, находящемся у штурвала. После Фридмен взял микрофон и объявил по всему кораблю:

– Дамы и господа, через мгновение мы столкнемся с неизведанным. Наше путешествие начинается не со взлета, а именно сейчас. Поднимать огромные грузы в космос человек научился уже достаточно давно, а вот преодолевать расстояния, которые мы собираемся преодолеть сейчас, – это дело, которое было ранее недоступно всем нам, но сейчас мы с опаской шагаем в пустоту, чтобы проверить научные теории и добыть новые данные о природе. Всем желаю удачи в этом путешествии. Через несколько секунд мы окажемся на месте. Прошу всех вернуться в свои комнаты, чтобы не произошло никаких эксцессов. Через десять минут мы с вами отправимся в небытие!

После этих слов Фридмен отключил микрофон и спросил у старика:

– Ну как моя речь?

– Клянусь морскими ежами, она была посредственна, как моя седая борода.

– Спасибо, Льюис, очень дружественно.

– Не за что, мой сухопутный друг.

– Мне следует провести повторную диагностику вневременных двигателей, чтобы убедиться в том, что мы в целости

прибудем на место.

Тобиас опять приступил к изучению компьютера. Он запустил диагностику всей системы. Через пять минут был готов ответ: «Ошибок в системе не обнаружено».

– Отлично. У нас еще пять минут, – шепотом проговорил Фридмен.

Льюис Гранд посмотрел на ученого. Тобиас вспотел. Бедолага явно волновался. Его по-прежнему терзал вопрос о том, получится ли у них это перемещение, ведь если им удалось переместиться через всю солнечную систему, это совсем не значит, что они смогут так же просто пересечь целую бесконечность, разделяющую их и край галактики.

Александра по голосу заметила, что её муж взволнован. Это было почти очевидно. Она решила зайти в комнату к детям. Лукас лежал на кровати и пытался написать стих, а Магнус усиленно мешал ему.

– Дети, что вы делаете?

Лукас ответил:

– Я пишу свой последний стих. Никогда не слышал, чтобы отец так волновался. Чувствую, что он не совсем уверен в том, что Омега сможет добраться до цели.

Мать же расстроенно сказала:

– Ты думаешь, что мы все умрем?

Её сын ответил:

– Я думаю, что мой отец — гений, я думаю, что он нигде не ошибся, но он волнуется.

Магнус вдруг понял, в чем дело:

– Что? Мы умрем?

Александра сразу же ответила своему младшему сыну:

– Надеюсь, что нет. Я-то думала, почему он так взволнован в последнее время.

– Отец – лучший физик всех времен и народов, если он ошибся, то никто бы и никогда не смог бы сделать правильно. Я читал его работы. Они невероятно логичны, но от этого не менее удивительны.

– Это хорошо? – расстроенно спросила женщина.

– Это гениально.

Тобиас же стоял весь, изливаясь потом. Льюис также волновался.

– Слушай, сухопутный пес, что с тобой?

Страх парализовал ученого. В его глазах нарисовался образ пустоты. Он чувствовал приближающуюся смерть. Сказанное стариком не дошло до адресата, поскольку тот находился где-то в области нирваны. Капитан встал и похлопал Тобиаса по щекам. Ученый пришел в себя. Льюис сказал:

– Не сходи с ума, а то я тоже не слишком-то верю в наш успех, степной сухопутный пес. Нас ждет смерть?

Тобиас в страхе произнес:

– Я не знаю.

Глаза капитана раскрылись и загорелись, словно две огромные фары на автомобиле.

– Как это так, ты не знаешь?

Испуганный ученый, который постоянно трясся, словно очень сильно замерз, стер со лба пот, а потом повторил:

– Я не знаю.

– Расскажи точнее, сухопутная свинья! – в ярости прокричал Льюис. – Что нас ожидает!

– Нас ожидает… я не имею понятия. Мы должны переместиться в нужное место, но и там нас может ждать смерть…

– Смерть, мой друг, это не так страшно, когда ты с ней уже встречался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.